ЗАПИСКИ ПОКОЙНАГО УЧИТЕЛЯ.



Ъ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» поступила рукопись записокъ одного учителя, заключающихъ въ себѣ много любопытныхъ и характерныхъ фактовъ изъ жизни начальныхъ ніколъ сороковыхъ годовъ, нѣсколько удачно и живо нарисованныхъ портретовъ ученыхъ начальниковъ, какъ высшихъ, въ родѣ министра и попечителя, такъ и низшихъ—директоровъ и смотрителей николаевской эпохи, нѣсколько типичныхъ эпизодовъ изъ жизни приходскихъ училищъ—эпизодовъ, въ которыхъ учебное начальство вмѣстѣ съ авторомъ записокъ является интересными дѣйствующими лицами. Послѣднія главы записокъ гораздо содержательнѣе и интереснѣе первыхъ, ибо въ нихъ авторъ говоритъ о смотрителяхъ приходскихъ училищъ въ сороковыхъ годахъ, о тогдашнемъ попечителѣ спб. учебнаго округа Мусинѣ-Пушкинѣ, о министрѣ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскомъ-Шахматовѣ. Особенно, какъ увидятъ читатели, автору удались портреты Мусина-Пушкина и смотрителя того самаго училища, въ которомъ авторъ записокъ началъ свою педагогическую карьеру въ качествѣ приходскаго учителя. Эта часть записокъ написана живо и наблюдательно, не безъ юмора, и имѣетъ несомнѣнную цѣнность, какъ любопытная страница изъ исторіи просвѣщенія въ Россіи. Эту часть мы беремъ почти цѣликомъ и безъ измѣненій, лишь группируя въ болѣе удобномъ и литературномъ видѣ воспоминанія покойнаго учителя. Наоборотъ, вступительныя главы мы почти совсѣмъ опустили, воспользовавшись только немногими свѣдѣніями о бытѣ учителей приходскихъ до-реформенныхъ училищъ и свѣдѣніями автобіографическими о симпатичной

личности автора записокъ. Немногіе факты о печальномъ положеніи приходскихъ учителей въ николаевское время мы дополнили бѣглымъ очеркомъ общаго состоянія народнаго образованія въ эту эпоху, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о народномъ образованіи въ въ предыдущія царствованія.

Объ образованіи простого народа въ Россіи, въ строгомъ смыслѣ слова, можно говорить только съ освобожденія крестьянъ: до этого времени мы видимъ лишь слабыя попытки, благія намѣренія и нѣкоторыя мѣры, оказывавшіяся или вовсе безуспѣшными или не приносившими предполагаемыхъ результатовъ. Со временъ Екатерины II начинается попытка создать народную школу на началахъ западно-европейскихъ; но эта попытка остановилась на составленіи проектовъ и произведеніи опытовъ, не давшихъ никакихъ солидныхъ результатовъ. При Александрѣ I, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802), открылся періодъ административно-организаціонный, также не принесшій начальной школѣ никакихъ положительныхъ результатовъ. Съ 1825 года, при Николаѣ I, вступила въ силу административная опека надъ школами, и съ особенной энергіей открылось дѣйствіе разныхъ стѣснительныхъ мѣръ по начальному образованію. Этотъ періодъ времени можетъ быть названъ административно-ограничительнымъ. Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія образованіе въ Россіи получаетъ административную организацію сверху до низу. Именно, во главѣ стало министерство, за нимъ слѣдовали попечители округовъ, далѣе университеты, съ значеніемъ центровъ, къ которымъ относились всѣ другія училища въ учебно-административномъ отношеніи; при университетахъ еще состояли училищные комитеты; затѣмъ, шли директоры гимназій, непосредственно завѣдывавшіе училищами; еще ниже смотрители училищъ, учители— и приходскія училища. Вся эта сложная администрація въ конечномъ результатѣ сводилась къ сельской школѣ,—но ея на дѣлѣ не было. Правительство почти исключительно обратило свое вниманіе на устройство учебныхъ заведеній для высшихъ классовъ общества,—оно выработало проекты пяти университетовъ, гимназій, городскихъ училищъ; но относительно сельскихъ держалось системы безразличія или безучастія. — Новый учебный уставъ, появившійся въ началѣ николаевскаго царствованія, еще болѣе развилъ централизацію училищной системы, и правительство, повторяемъ, весьма осязательно усилило ограничительное вліяніе на училища. Въ основу раздѣленія училищъ на различные ихъ виды (сельскія, городскія-уѣздныя, гимназіи) было положено раздѣленіе народа на состоянія, при чемъ задача университета была ограничена образованіемъ лицъ только свободныхъ состояній. Для приготовленія учи-

телей въ низшія училища не признавалось нужды въ особой спеціальной подготовкѣ и въ особыхъ для этой цѣли учрежденіяхъ. Поэтому ряды жалкой арміи голодныхъ народныхъ педагоговъ заполнялись всякимъ отребьемъ: въ народные учителя шли всѣ, желавшіе преподавать ради куска хлѣба и пріюта, — изгнанные изъ службы чиновники, недоучки разныхъ учебныхъ заведеній, отставные солдаты, писаря и т. п. Конечно, сомнительно, чтобы подобные педагоги могли чему-нибудь научить своихъ учениковъ: учителя голодали; мизерное жалованье ихъ задерживалось, школы приходили въ упадокъ, между тѣмъ, съ народа собирали на нихъ деньги. Школъ же было мало и тѣ стояли пусты,—многія числились лишь на бумагѣ.

Наблюдателями являлись лица ни мало съ школьнымъ дѣломъ не знакомыя и нисколько имъ не заинтересованныя. «Окружные» и разныхъ видовъ чиновники, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, заботились болѣе о томъ, чтобы въ школахъ была субординація; они наблюдали, чтобъ вывѣска на школѣ съ орломъ была надлежащаго рисунка и блистала свѣжестью,—чтобы школа на случай пріѣзда высшаго начальства, бѣлилась, чтобы книги были цѣлы, хотя бы лежали неразрѣзанными,—чтобы на стѣнахъ развѣшивались разныя правила, инструкціи, росписанія. Посторонніе лица школъ не посѣщали; пріѣздъ же «особы» составлялъ эпоху. Обозрѣніе школы, конечно, было чисто показнымъ. Ученики выдалбливали особые уроки для отвѣта, заучивали привѣтствія и даже стихи. Ученикамъ строжайше предписывалось явиться въ лучшихъ праздничныхъ одѣяніяхъ, при чемъ обучали «вѣжеству»: какъ при особѣ встать, какъ держать руки, въ какихъ случаяхъ потупить скромно очи, въ какихъ съ привѣтливою улыбкою и радостнымъ взоромъ смотрѣть на особу и т. д. Ублаженный посѣтитель, предложивъ нѣсколько вопросовъ ученикамъ, полюбовавшись видомъ училища, выражалъ удовольствіе о благосостояніи его. Отсюда объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что по отчетамъ училищъ числилось много, и всѣ они считались благоустроенными,— на самомъ же дѣлѣ многихъ школъ совсѣмъ не было, а существовавшія были крайне плохи и дезорганизованы. Среди народа зародилось недовѣріе къ школѣ, если не сказать прямо, недоброжелательство. Народъ отвернулся отъ чуждой ему «казенной учебы», которая имѣла цѣлію готовить волостныхъ и сельскихъ писарей, столь ненавидимыхъ народомъ, фельдшеровъ и землемѣрскихъ помощниковъ. Видя повсюдныя ограниченія и стѣсненія въ школьномъ дѣлѣ, но въ то же время не видя никакого толку отъ ученья, направляемаго и руководимаго лицами невѣжественными, ни мало имъ не заинтересованными, народъ сталъ смотрѣть на школу, какъ на какую-то повинность, установленную въ неизвѣстныхъ и непонятныхъ ему видахъ, отъ начальства, для народа совершенно без-

полезную. Съ общества взыскивались только деньги на содержаніе учителей и училищъ, но само общество отъ участія въ училищномъ дѣлѣ было совершенно устранено. Отъ того общество всячески старалось обойти эту повинность—и сборы на ніколы приходилось взимать силою. Обученія дѣвочекъ совершенно почти не существовало; женщины не только коснѣли въ поголовномъ невѣжествѣ, но грамотность въ глазахъ народа стала казаться для нихъ чѣмъ-то чуждымъ, почти непристойнымъ!

Въ общемъ результатѣ — положеніе начальнаго образованія въ николаевское время не представлялось отраднымъ. Правительство задавалось цѣлью, чтобы предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображены съ будущимъ вѣроятнымъ назначеніемъ учащихся, и согласно съ этимъ въ сельскихъ училищахъ могли обучаться поселяне, помѣщичьи и государственные крестьяне,—въ уѣздныхъ училищахъ—дѣти купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей; въ гимназіяхъ—дѣти дворянъ и чиновниковъ,—дѣти духовенства попрежнему только въ семинаріяхъ. Результаты этой ограничительной системы, царившей цѣлыхъ тридцать лѣтъ (1826—1856), были крайне печальны и на столько убѣдительны въ отрицательномъ смыслѣ, что съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II начался пересмотръ училищныхъ уставовъ,—пересмотръ, служившій переходнымъ и подготовительнымъ временемъ къ великой эпохѣ реформъ, начавшейся съ 19-го февраля 1861 года. Правительство вступаетъ на путь свободы и поощренія въ народномъ образованіи, давая полный просторъ и всѣ способы пріобрѣсти образованіе каждому путемъ свободнаго желанія. Народное образованіе становится предметомъ теоретическаго и практическаго общественнаго интереса, пріобрѣтаетъ значеніе государственное. Мѣры, принятыя правительствомъ съ одной, а обществомъ съ другой стороны, дали могущественный толчекъ народному образованію въ Россіи, хотя не успѣли еще создать стройнаго, цѣльнаго организма. Много сдѣлано въ этомъ отношеніи въ царствованіе царя-освободителя, но еще болѣе остается сдѣлать для будущаго времени.—Если въ николаевское время было безотрадно положеніе сельскихъ учителей, влачившихъ свое горемычное существованіе и едва не умиравшихъ съ голоду на нищенскихъ окладахъ (50—70 р. въ годъ),—то не лучше было въ дореформенной школѣ и положеніе учителей приходскихъ. По горькому сознанію автора предлагаемыхъ ниже записокъ, въ народные учителя загоняла нужда, да нужда и выгоняла. Приходскому учителю изъ податнаго состоянія слѣдовало прослужить 12 лѣтъ до коллежскаго регистратора и 10 лѣтъ еще за то, чтобы его сдѣлали благороднымъ. Когда же послѣ 25-тилѣтней службы оставался одинъ живой скелетъ учителя, то ему назначалась пенсія 90 руб. въ годъ. При томъ, при переходѣ въ другое вѣдомство, служба въ

министерствѣ народнаго просвѣщенія не считалась: «Никто изъ законовѣдовъ,—съ горькой проніей говоритъ авторъ записокъ,—не обратилъ вниманія, что приходскіе учителя при самомъ поступленіи уже наказывались тѣмъ, что служба ихъ по другимъ министерствамъ не будетъ считаться на пенсію!.. Спрашивается, зачѣмъ же законовѣды признали за благо причислить эту службу къ государственной съ такими странными правами и дать по прослуженіи извѣстнаго срока только два чина? Можетъ быть, давая два чина, думали мудрецы, что учитель будетъ болѣе благонамѣренъ, ни о чемъ не возмечтаетъ, а пенсія въ семь рублей въ мѣсяцъ совершенно достаточна для приходскаго учителя!..» По справедливому замѣчанію автора, могли назначить хорошее жалованье, права по службѣ и пенсію,—«тогда пошли бы въ учителя образованные, даровитые и добросовѣстные люди, а не какія-нибудь бездарныя личности, съ которыми мнѣ пришлось служить».—«Конечно, продолжаетъ авторъ записокъ, голодный учитель такъ прекрасно читаетъ науки своимъ юнымъ слушателямъ, какъ читальщикъ псалтирь по покойникѣ! Правда, многіе занимались со всею энергіею съ дѣтками, но въ результатѣ все-таки оставались голодъ, нищета и безотрадное положеніе!—Хорошо, если учитель былъ одинокій, то одна голова не бѣдна и гдѣ-нибудь у родителей или родственниковъ учениковъ накормятъ и напоятъ чайкомъ или кофейкомъ; а будь женатъ, да имѣй дѣтей, то хоть въ петлю полѣзай!.. Во время оно я и самъ мѣсяца по три не ѣдалъ горячаго, а питался все сухояденіемъ, даже міръ кормилъ меня, т. е. родители или родственники моихъ учениковъ». Годами безпросвѣтной голодной доли охлаждалась и забивалась энергія въ приходскихъ учителяхъ, постоянныя житейскія невзгоды пріучали ихъ недовѣрчиво смотрѣть на возможность выбиться изъ этой Богомъ и людьми забытой службы, они дѣлались не только голодными эгоистами, но и идіотами. Молодой идеализмъ новичка-учителя лѣтъ черезъ пять проходилъ безвозвратно, онъ начиналъ проникаться апатіей къ своему дѣлу и мечталъ о другомъ мѣстѣ, какъ о маннѣ небесной. Попадались, по замѣчанію автора, и такіе, которыхъ прельщала фуражка съ кокардою, вицмундиръ и золотое руно — чинъ коллежскаго регистратора; но для большинства педагоговъ этотъ заманчивый чинъ становился миражемъ и иллюзіею! Мечтавшіе о «золотомъ рунѣ» дѣлались по полученіи его удивительными фанфаронами, если имъ удавалось выйти изъ податнаго сословія и сдѣлаться благородными. «Это были просто мандарины и громовержцы съ Олимпа, а не сыновья плебеевъ. Къ своимъ бывшимъ родственникамъ, товарищамъ-крестьянамъ, мѣщанамъ и солдатамъ, они питали какое-то особенное презрѣніе, даже не хотѣли поздороваться почеловѣчески и прятали правую руку или нарочно держали въ ней фуражку съ кокардою». Приходскіе учителя, какъ и всѣ другіе

педагоги низшихъ школъ, были дѣйствительными мучениками просвѣщенія.

Выше мы говорили о низкомъ уровнѣ развитія учениковъ сельскихъ школъ. Теперь это печальное, но правдивое замѣчаніе приходится распространить и на приходскія училища, въ которыхъ, по откровенному признанію автора записокъ, нельзя было научиться «въ сущности ничему». Умственное развитіе учащихся находилось въ пеленкахъ, хотя по программамъ всѣ науки проходились прекрасно—отъ переплета до переплета. Авторъ замѣчаетъ, что какъ скоро все проходилось, такъ скоро и забывалось, улетучиваясь изъ головъ, что ученики выходили изъ училищъ «съ запасомъ какой-то каши, которую они не могли положить ни въ какія житейскія кострюли».

«Не говоря уже о томъ, повѣствуетъ далѣе нашъ авторъ, что ни одинъ ученикъ не умѣлъ написать не только прошенія, квитанціи или другой бумаги, но даже аттестата на адресномъ билетѣ, который нужно было выдать дворнику, кухаркѣ и прочей прислугѣ! Что же изъ того, что ученикъ научался читать, какъ попугай,—писалъ кое-какъ и съ цѣлою серіею ошибокъ, рѣшалъ задачу (по Буссе) на сложеніе, — такъ на сложеніе, — на дѣленіе— такъ на дѣленіе, но больше отъ него ничего не требуйте, ибо такъ гласятъ программы приходскихъ училищъ... Всѣ учебники заучивались почти наизусть. Боже сохрани, если бы какой-нибудь ученикъ, особенно по русской исторіи Устрялова, осмѣлился сказать нѣсколько словъ изъ другихъ источниковъ! Впрочемъ, такихъ смѣльчаковъ не существовало, и всѣ ученики жаждали за безсмысленную болтовню получить на публичныхъ экзаменахъ пятерочки, а тамъ хоть трава не расти!»

Если большинство шло въ приходскіе и сельскіе педагоги только изъ-за нужды, изъ-за куска хлѣба, на первыхъ же порахъ теряло энергію, охладѣвало къ преподаванію и, сѣтуя на свою безталанную долю, мечтало вырваться изъ каторжнаго ярма народнаго учителя, то авторъ записокъ представляетъ рѣдкое и счастливое исключеніе изъ этой арміи педагогическихъ невольниковъ, вѣчно-ропщущихъ рабовъ гнетущей нужды и мачихи-судьбы. Вотъ что говоритъ о себѣ авторъ записокъ: «Я пошелъ въ учителя по призванію; бывъ уже въ отставкѣ, не смотря на старческіе годы, живши лѣтомъ въ деревнѣ, любилъ съ дѣтьми бесѣдовать о разныхъ предметахъ, занимался съ ними наглядным обученіемъ, ходилъ съ цѣлымъ эскадрономъ дѣтей въ лѣсъ за грибами, ягодами, ловить рыбу, купаться въ быстрой и неглубокой рѣчкѣ, которая протекала верстахъ въ двухъ отъ деревни. Утромъ, бывало, дѣтки уже поджидаютъ у калитки моего домика, гдѣ я нанималъ дачу съ однимъ окномъ въ огородъ; только выйду на дорогу, какъ они изъявляли свою радость, здоровались, ластились ко мнѣ и спрашивали: «куда

я пойду съ ними?» Крестьяне и крестьянки, завидя меня съ дѣтьми, говорили: «вонъ учитель-забавникъ опять уведетъ до заката солнца парнишекъ на бесѣду въ лѣсъ, да поди, какъ они любятъ его! Вишь ты, какъ забавника теребятъ, а онъ смѣется и пряники раздаетъ имъ! Да вонъ у забавника въ корзинѣ лежатъ хлѣбъ, булки и масло!» Я очень хорошо слышалъ о себѣ такіе пріятные отзывы, и еще болѣе радовался съ дѣтьми, и бѣгалъ на перегонку, а потомъ нарочно ложился на траву. Это очень веселило ихъ, они были въ восторгѣ, что я игралъ съ ними! Я былъ бѣднякъ, но любя дѣтей покупалъ на послѣдніе гроши разныя учебныя пособія и гостинцы. Вся деревня любила и уважала меня. Все прошло, все миновалось! Теперь я въ богадѣльнѣ, а, кажется, давно ли и у меня была розовая юность, надежды,—но все исчезло, какъ сонъ, и мнѣ остается умереть! Учащіеся любили меня и уважали; бывало, я ходилъ къ нѣкоторымъ бывшимъ моимъ ученикамъ, которые приглашали меня съ ласкою къ себѣ, вспоминали, что я училъ и обращался съ ними, какъ рѣдкій отецъ. Вотъ, юные учителя, что значитъ обращаться съ дѣтьми ласково, быть добрымъ, справедливымъ, взыскательнымъ, а иногда и строгимъ. Спустя слишкомъ 30 лѣтъ, бывшіе мои воспитанники, учившіеся у меня въ пансіонахъ, въ низшихъ, среднихъ гражданскихъ и военныхъ заведеніяхъ, съ радостію встрѣчали меня на дорогѣ и говорили: «правда, вы постарѣли и посѣдѣли, но такой же веселый и говорунъ! Вы старѣетесь тѣломъ, а ваша душа такая же юная, какъ и была»! Святая истина, думалъ, я и какъ отецъ на любящаго сына смотрѣлъ на бывшаго своего ученика!

«Педагогическая дѣятельность, не смотря на терніи, привлекала меня и пробуждала къ себѣ чувство святого почтенія. Распространеніе грамотности казалось мнѣ дѣломъ, стоющимъ того, чтобы положить на него всѣ свои силы, лечь костьми! Я знаю, что многіе подумаютъ: работать цѣлую жизнь и нищимъ умереть; но не надо при этомъ забывать, что suum cuique. Я старался стоять въ ряду лучшихъ изъ нашей братіи. Мы не обращали никакого вниманія, что были изолированы, что иногда подъ сурдинку подсмѣивались надъ нами откормленные педагоги, что мы тратили молодыя силы даромъ и наши служебныя права не стоили грязной тряпки, пора бы намъ одуматься и бросить неблагодарную службу, правда, безотрадно намъ было служить, но мы утѣшали себя тѣмъ, что работали для народа. Многіе учителя не теряли надежды до могилы, что, можетъ быть, солнышко взойдетъ и броситъ лучъ состраданія на забытыхъ тружениковъ...

«Я много работалъ, читалъ педагогическія сочиненія, даже самъ пробовалъ кое-что создать и читалъ свои рефераты въ педагогическомъ собраніи, которые хитрецамъ-учителямъ не нравились, начальство косилось, а большинство одобряло. Сослуживцы любили

меня, начальство уважало, какъ дѣльнаго и полезнаго дѣятеля, но я не умѣлъ подличать и тѣмъ вредилъ себѣ по службѣ. Я не унывалъ и мнѣ послѣ долгаго тяжкаго прозябанія повезло въ жизни. Я имѣлъ практику въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ домахъ и пансіонахъ. Наконецъ, пріобрѣлъ репутацію человѣка, фактически преданнаго дѣлу, и эту репутацію свято несу, пока смерть не прекратитъ мою неудавшуюся жизнь»!

Многострадальный идеалистъ учитель умеръ въ богадѣльнѣ, куда его опредѣлилъ бывшій ученикъ и тѣмъ спасъ отъ угрожавшей опасности—замерзнуть въ сыромъ и холодномъ углу, нанимаемомъ за рубль пятьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ у вдовы-солдатки, послѣ долгихъ обѣщаній сердобольныхъ начальниковъ. Авторъ записокъ, съ этимъ, вѣроятно, всякій согласится, въ приведенныхъ выше словахъ обрисовывается съ самой симпатичной стороны, какъ человѣкъ беззавѣтно и страстно преданный своему дѣлу, безкорыстно и самоотверженно любящій его, работавшій ради пользы народа и въ этомъ находившій утѣшеніе среди, вѣроятно, часто посѣщавшихъ его минутъ безотраднаго и горькаго раздумья надъ своей тяжелой, одинокой долей. По вступительнымъ главамъ записокъ, въ которыхъ авторъ предается многословнымъ печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ народныхъ учителей, видно, что свои воспоминанія онъ писалъ послѣ долгаго тяжкаго страданія, что ему не хотѣлось воскрешать «далеко неотрадные дни своей жизни, въ которыхъ, по словамъ автора, только изрѣдка мелькаетъ минутное счастіе, какъ отблескъ вечерней зарницы». Мы разсказали здѣсь все существенное и интересное въ томъ или другомъ отношеніи изъ вступительныхъ лирическихъ главъ, и теперь приводимъ почти цѣликомъ послѣднія, наиболѣе содержательныя главы записокъ.

I.

Судя, конечно, относительно, на свѣтѣ нѣтъ болѣе спокойнаго служебнаго мѣста, чѣмъ мѣсто штатнаго смотрителя. Въ мѣсяцъ разъ написать двѣ-три бумаженки въ дирекцію училищъ, выдать жалованье учителямъ и сторожамъ, настрочить съ грѣхомъ пополамъ ежемѣсячную вѣдомость о приходѣ и расходѣ училищной суммы, переписать къ концу учебнаго года годичный отчетъ о ввѣренномъ его надзору училищѣ съ древней копіи, перемѣнивъ только фамиліи учителей, количество учащихся, число, мѣсяцъ и годъ. Нерѣдко подобною перепиской занимались если не учитель, какой-нибудь смотрительскій наперсникъ, то ученикъ III уѣзднаго класса подъ руководствомъ трудолюбиваго штатнаго смотрителя. Вотъ и вся его тяжелая ученая дѣятельность. Больше отъ нѣкоторыхъ штатныхъ смотрителей ничего не ожидайте. Не думайте (я пишу

о штатныхъ смотрителяхъ давно умершихъ, которыхъ я зналъ хорошо, даже нѣкоторые изъ нихъ были моими ближайшими начальниками), чтобы они постоянно посѣщали ввѣренныя имъ училища, строго слѣдили за успѣхами и нравственностью ихъ, присутствовали на урокахъ учителей; однимъ словомъ, старались бы о процвѣтаніи просвѣщенія. Казалось, что имъ до этого не было никакого дѣла. Большею частію сами учителя были единственными наставниками и наблюдателями педагогическаго дѣла, стараясь сохранять въ немъ порядокъ, строй и единство.

Смотритель же, любопытный субъектъ изъ недоучившихся семинаристовъ, нѣкто N, любилъ только пороть учениковъ десятками, приговаривая: «ну, ложись,—кто скорѣе—тому меньше!» При этомъ онъ наступалъ въ промежность между брюкъ ногою, а сторожъ Юрка отлично зналъ свое дѣло—жарилъ на славу до тѣхъ поръ, пока смотритель не изрыгалъ: «довольно!» и неизвѣстно почему улыбался. Экзекуція производилась на грязномъ полу въ классѣ или корридорѣ при всѣхъ ученикахъ класса и учителѣ. Лупка носила совершенно семейный характеръ, и всѣ, какъ казалось, были довольны—ученики, учителя, а штатный смотритель N былъ просто въ восхищеніи. Послѣ экзекуціи онъ любилъ хвастаться и говаривалъ: «ничего, не рѣпу сѣять, пороли меня въ бурсѣ нещадно, да вотъ видите ли начальникомъ вашимъ сталъ и васъ учу уму-разуму!» При этомъ, неизвѣстно отчего смѣялись учитель и ученики, смѣялся самъ N, раскрывши свой ротъ съ однимъ зубомъ, хихикалъ въ полусолдатской шинели мейстеръ Юрка. Послѣдній получалъ даже взятку отъ учениковъ, чтобы поролъ милосерднѣе. Ученики говорили, что у Юрки рука очень тяжелая, и долго поэтому не заживали запятыя на извѣстныхъ авалахъ. «Вотъ, бывало, сторожъ Андрюша, разсказывали мнѣ ученики, не сѣчетъ, а какъ-то пріятно щекотитъ, какъ будто мурашки бѣгаютъ по тѣлу!»— Этотъ Андрей ростомъ былъ почти въ сажень, служилъ въ гвардіи, былъ на Кавказѣ, получилъ тамъ георгіевскій крестъ за то, что убилъ пять черкесовъ, но былъ слабъ характеромъ, бралъ взятки съ учениковъ, что будетъ пороть ихъ легонько,—и былъ замѣченъ пучеглазымъ смотрителемъ, который упрекнулъ кавалера Андрея въ потворствѣ по службѣ, въ измѣнѣ присягѣ, за что и лишилъ его навсегда права пороть мальчугановъ; смотритель даже назвалъ этотъ поступокъ почему-то «вредными и заразительными пакостями» для училища.—Андрей расплакался, какъ пьяная баба на кладбищѣ, даже сталъ голосить, просилъ явить Божескую милостъ и простить; но смотритель былъ неумолимъ, даже хотѣлъ выгнать вонъ изъ училища, но все-таки простилъ безъ права порки, благодаря заступничеству смотрительской калмычкѣ-кухаркѣ.

Сторожъ Юрка прежде служилъ гдѣ-то въ интенданствѣ, бывалъ битъ и много разъ жестоко сѣченъ за несоблюденіе восьмой заповѣди.

Въ отставкѣ старался отличиться передъ начальствомъ честностью и язычкомъ, но нахально бралъ взятки съ учениковъ и поинтендантски надувалъ ихъ. Смотритель зналъ, что Юрка бралъ взятки, но и поролъ на славу; «да, такого молодца для порки не скоро сыщешь, говаривалъ смотритель, пусть его беретъ взятки съ мальчишекъ,—только помнилъ бы присягу!»

Смотритель изъ кутейниковъ въ карты не игралъ, не курилъ, табаку не нюхалъ, не пилъ, но не брезгалъ никакими приношеніями отъ родителей и родственниковъ учащихся, казеннымъ пирогомъ былъ не обиженъ и ѣлъ его всегда съ усмѣшкою, обладалъ такими маклаческими наклонностями, что всѣми правдами и неправдами успѣлъ накопить въ теченіе своей 50-тилѣтней службы болѣе 20 тысячъ рублей. Семейство его состояло изъ забитой и загнанной жены (окончившей курсъ въ Смольномъ институтѣ), дочери и сына. Часто смотритель любилъ намъ разсказывать, какъ онъ бѣгалъ нѣсколько разъ изъ семинаріи, за что былъ нещадно сѣченъ розгами, исключенъ, наконецъ, съ позоромъ, какъ записной бѣгунъ и лѣнтяй, былъ совершенно погибшій человѣкъ; но судьбы Божіи неисповѣдимы. Онъ какъ-то опредѣлился въ N дирекцію училищъ писаремъ, служилъ усердно (больше языкомъ и подслуживаньемъ), былъ сперва,. благодаря протекціи директора, опредѣленъ учителемъ, а потомъ и штатнымъ смотрителемъ. Всѣ мы знали и были увѣрены, что ни одна наука не далась ему, да онъ и самъ не скрывалъ этого, а милое начальство за ветхостью и бездарностью не хотѣло почему-то уволить негоднаго старикашку, отчаяннаго сплетника и хапуна.—Впрочемъ, на экзаменѣ закона Божія смотритель любилъ спрашивать учениковъ: «что прежде сотворено—видимое или невидимое?» Если же ученикъ говорилъ видимое, то нерѣдко подвергался поркѣ послѣ экзамена, когда у ученика были плохіе баллы и по другимъ предметамъ. При этомъ смотритель любилъ приговаривать: «мерзавецъ, ты долженъ всегда помнить, что ангелы Божіи прежде человѣка были сотворены Всевышнимъ Творцомъ! Вотъ и Юрка это знаетъ!»—«Точно такъ, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ, усмѣхаясь, училищный мейстеръ-инквизиторъ, державшій въ правой рукѣ отличный букетъ изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ.

Разумѣется, были добросовѣстные штатные смотрителя, но они были рѣдки. Большинство этихъ замаскированныхъ дармоѣдовъ получало высшее домашнее образованіе или, недоучившись, убоясь бездны премудрости, сначала выдерживало экзамены при помощи сильныхъ міра сего, а то и вовсе не выдерживало (встарину все бывало возможно), и дѣлалось никуда негодными учителями. Сознавая въ душѣ, что избраннаго предмета они не знаютъ, боясь на службѣ, въ случаѣ пріѣзда страшнаго ученаго ревизора (а такія таинственныя посѣщенія случались) выдержать начальническій

штормъ и быть выброшенными девятымъ валомъ на берегъ житейскаго моря, эти недоучки поскорѣе пристраивались на должности смотрителей; принявъ бразды правленія, они дѣлались сонями и лежебоками. Лежа на боку, они воображали, что приносятъ великую пользу отечеству, старались внушить это учителямъ, давъ, кромѣ того, понять, что они люди съ большимъ вѣсомъ, съ протекціею (большая часть ихъ хотя и считалась плебейскаго происхожденія, но на самомъ дѣлѣ была дѣтьми любви привилегированнаго сословія) и поэтому могутъ своимъ подчиненнымъ учителямъ во всякое время напакостить самымъ мерзѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, такія недоучки съ хлестаковскими манерами заслуживали еще маленькое снисхожденіе. Но мнѣ случалось видѣть ученыхъ людей, которые признавали своими сослуживцами только тѣхъ, которые получили высшее образованіе (а такихъ въ то время служило въ дирекціи немного), а на прочихъ учителей они смотрѣли, какъ на негодную ветошь. Съ учеными штатными смотрителями я не служилъ, а мнѣ иногда случалось видѣть ихъ на совѣтахъ.—Нѣкоторые просвѣщенные начальники къ вящшему прискорбію общества чрезвычайно любили ябедниковъ-смотрителей; не разобравъ защиты бѣдныхъ учителей,—правы ли они или виноваты,—подобные начальники дѣлали строжайшіе выговоры, или просто поручали ябеднику-смотрителю, чтобы такой-то учитель подалъ въ отставку, а то будетъ уволенъ безъ прошенія. Да если бы несчастный учитель вздумалъ обратиться съ жалобой къ знаменитому попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, то еще болѣе повредилъ бы себѣ.

Конечно, не всѣмъ учителямъ подобные начальники могли дѣлать такіе подарки. Всегда была такая горсточка учителей, которыхъ трусило ближайшее начальство. Я помню такой фактъ. Начальникъ пригласилъ учителя къ себѣ на квартиру для объясненія по дѣламъ службы и вслѣдствіе наговоровъ предложилъ ему по нерадѣнію къ занятіямъ подать въ отставку. Учитель замѣтилъ: прежде чѣмъ подать въ отставку, я долженъ буду сказать отцу!

— А кто вашъ отецъ?—спросилъ начальникъ. Вѣроятно, онъ думалъ, что отецъ учителя какой-нибудь мѣщанинъ или ремесленникъ.

— Такой-то! отчеканилъ учитель.

Начальникъ вдругъ поблѣднѣлъ, протянулъ руку (а прежде не хотѣлъ дать и пальца), сталъ умолять и просить, чтобы учитель не говорилъ отцу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Этотъ привилегированный учитель полубѣлой кости былъ моимъ однокашникомъ и школьнымъ товарищемъ. Онъ былъ человѣкъ образованный, хорошій товарищъ, говорилъ на четырехъ языкахъ и проводилъ все свободное время у своего отца, который занималъ тогда одно изъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ.

Нашъ смотритель N, о которомъ я еще буду говорить ниже, былъ страшнымъ фанфарономъ и любилъ въ разговорѣ обдуманно и тонко прорѣзывать собесѣдника-учителя, желая показать, что онъ личность незаурядная, а принадлежитъ къ привилегированному сословію и ведетъ знакомство со сливками общества, а не такъ какъ мы—со всякою голью и нолью.

Вѣнцомъ его службы было подслушиванье въ корридорахъ у учительскихъ дверей; со всѣми учительскими кухарками онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, даже дѣлалъ имъ подарочки къ праздникамъ, чтобы они луше шпіонили про семейную жизнь своихъ господъ, и нерѣдко совалъ въ руки ихъ двугривенные за какое-нибудь сказанное лишнее слово учителемъ или пикантное происшествіе въ квартирѣ особенно холостого учителя, которому вздумалось бы въ святилище наукъ пригласить даму своего сердца. Смотритель берегъ цѣломудріе холостыхъ учителей, горѣлъ желаніемъ, чтобы всѣ они брали примѣръ съ Іосифа Прекраснаго и бѣгали отъ блудныхъ женъ Пентефрія. Смотритель любилъ молодымъ учителямъ читать душеспасительныя назиданія, но самъ, какъ разсказывали намъ земляки его, въ своей молодости былъ отчаянный поклонникъ Бахуса и Венеры, которая оставила ему, вмѣсто сувенира, какіе-то знаки отличія, отъ которыхъ онъ постоянно пилъ какой-то жизненный декоктъ собственнаго издѣлія. Пристрастіе въ поклоненіи Бахусу и Венерѣ смотритель, вѣроятно, наслѣдовалъ отъ своей родительницы. Какъ мы сейчасъ увидимъ, смотритель совершенно напрасно гордился своимъ аристократизмомъ, ибо этотъ аристократизмъ былъ совершенно случайный, и то только со стороны отца. Въ дѣйствительности же, онъ былъ сынъ какой-то чухонки, которая долго служила вѣрой и правдой старому штатскому генералу. Отъ этого сожительства чудомъ родился будущій смотритель; но чтобы прикрыть старческій грѣхъ и обезпечить до гроба вѣрную Пенелопу, чтобы пенсія не досталась казнѣ,—старикашка женился незадолго до смерти на Іоганнѣ Мартыновнѣ. Оставшись вдовою, она стала получать очень хорошую пенсію и прислугѣ строго было приказано, чтобы величать хозяйку «ваше превосходительство».—Она не знала грамоты, была очень толста, маленькаго роста, курносая, беззубая, съ громаднымъ ртомъ, длинными ушами, на которыхъ какъ и на носу, росъ какой-то рыжій мохъ; любила попивать водочку и дрей-мадеру; не смотря на старческіе годы, держала на содержаніи со стипендіею какого-то красавчика отставного гусарскаго юнкера, который подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и воинственнаго азарта нерѣдко бивалъ ее и ставилъ подъ ея косыми глазами бутонъ-д'амуры. Вся плѣшивая, она носила рыжій шиньонъ, бѣлилась, румянилась и красила брови, какъ зоологическій клоунъ.—Скрывая свою безграмотность, она отговаривалась тѣмъ, что худо видитъ, просила своихъ знакомыхъ прочитать письмо или

присланную бумагу и росписаться за нее; даже за пенсіей ѣздила въ коляскѣ на своихъ рыженькихъ лошадкахъ съ какою-то красноносою салопницею, которая совершала въ казначействѣ всѣ операціи не хуже ученаго секретаря.—Всѣ ея знакомые, которыхъ она любила очень часто угощать, нарочно безпрестанно называли ее: «ваше превосходительство»; а были и такіе, которые въ пьяномъ видѣ поднимали выше и голосили: «ваше высокопревосходительство, ты наша мать и благодѣтельница!». Генеральша любила всѣхъ тыкать, она кричала, бранила горничную, кухарку, кучера и дворника, даже своихъ гостей, какихъ-то разношерстныхъ дармоѣдовъ и дармоѣдокъ, поднимала на нихъ кулаки, но ударить боялась—какъ бы кто изъ пьяной компаніи сдачи не далъ и тѣмъ на вѣки вѣковъ не обезчестилъ наштукатуренныя ланиты ея превосходительства.—Всѣ лавочники на рынкѣ знали, что она генеральша; даже сосѣди-будочники любили козырять ей, а нѣкоторые изъ шутниковъ становились передъ нею во фронтъ, надѣясь въ праздникъ получить отъ нея на табакъ. Генеральшѣ это очень нравилось, и она дѣйствительно щедро награждала будочниковъ, однакожъ, не было также ни отъ кого въ секретѣ, что покойный ея папа былъ истый чухонецъ, пріѣзжавшій каждое лѣто на лайбѣ изъ Финляндіи и продававшій у Никольскаго моста салаку и дрова.

Приходскіе учителя въ мнѣніи всемогущихъ смотрителей ничего не значили: послѣдніе считали себя въ дѣлѣ образованія головами, а учителей безсловесными животными. Одинъ косой взглядъ штатнаго смотрителя могъ угнать хотя и не въ нѣдра Сибири для изученія полярной географіи, а въ такой забытый городъ, тоже приходскимъ учителемъ, что долго будешь раскаяваться въ своей горячности и необдуманности. Если бы грубіянъ вздумалъ противорѣчить, его уволили бы въ отставку.—Кто же не зналъ, что начальство наѣзжало только для того, чтобы не стали громко говорить: училища совсѣмъ заброшены и никто носа туда не показываетъ. Такимъ образомъ, вся жизнь приходскихъ учителей зависѣла отъ каприза смотрителя, не говоря уже о другихъ начальникахъ, которые въ старое время увольняли учителей по наговору негодныхъ личностей или просто такъ. Педагоги-начальники относились къ намъ, паріямъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ, считая приходскаго учителя, повидимому шушерой, дрянью, ветошью и пр.—У такихъ ли начальниковъ можно было искать защиты, вниманія, заботливости?

Мудрено ли поэтому, что встарину учителя болѣе служили изъза чести, какъ офицеры въ гвардіи (все народъ былъ богатѣющій, у нѣкоторыхъ учителей даже подошвы на сапогахъ, по мѣткому выраженію какого-то остряка, были на камнеходѣ, платье плохое и засаленое!) Большая часть учителей строго придерживалась, какъ прославленные анахореты, знаменитаго устава св. Антонія, всѣ

были награждены прелестями петербургскаго климата, страдая всевозможными болѣзнями. Видъ они имѣли представительный только для кладбища, всѣ на подборъ были красавцы: блѣдные, зеленые, худые, съ провалившеюся грудью, беззубые, плѣшивые, нѣкоторые напропалую кашляли и имѣли на щекахъ цвѣтущій чахоточный румянецъ.

II.

Теперь всѣ служащіе чиновники-педагоги носятъ усы и бороды, никто слова не смѣетъ сказать; въ сороковыхъ же годахъ было совсѣмъ не то. Попробуй-ка въ то время кто-нибудь изъ педагоговъ отростить усы, бороду или длинные волосы, да и натолкнись на историческаго попечителя Мусина-Пушкина, такъ онъ такъ, бывало, распечетъ, что долго будешь помнить! Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у военныхъ былъ грозою великій князь Михаилъ Павловичъ; по петербургскому же учебному округу гремѣлъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. На мою долю пришлись отъ попечителя четыре словесные выговора за ношеніе усовъ и длинныхъ волосъ.

До сихъ поръ я живо помню эту грозную фигуру съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, со звѣздами на обѣихъ сторонахъ синяго, застегнутаго на всѣ шесть пуговицъ вицмундира, въ синихъ брюкахъ, въ высокостоящемъ черномъ атласномъ галстухѣ (извѣстные высокіе галстухи на щетинѣ, изобрѣтенные въ царствованіе Александра I первымъ военнымъ франтомъ Горголи) безъ признаковъ бѣлья, съ рѣдкими, гладкоподстриженными почти сѣдыми волосами на почти лысой головѣ, за исключеніемъ тщательно прилизанныхъ височковъ, начесанныхъ à la фельдфебель. «Стригись подъ гребенку, а франтить тебѣ, братецъ мой, нечего, бери примѣръ съ меня», такъ говаривалъ нерѣдко попечитель учителямъ. Густыя нависшія брови, черныя съ просѣдью, проницательные каріе глаза, орлиный носъ съ горбомъ, отвислыя щеки и заостренный подбородокъ, являли въ немъ сходство съ старымъ коршуномъ. Лобъ и щеки были изборождены глубокими морщинами, голову держалъ онъ высоко, откинувъ назадъ, старался ходить величественно, какъ короли въ театрѣ, опираясь на свой знаменитый костыль. Брился онъ такъ что былъ виденъ млечный путь съ какимъ-то синеватымъ оттѣнкомъ на верхней губѣ, щекахъ и подбородкѣ. Вотъ портретъ моего бывшаго эксцентричнаго, очень вспыльчиваго, но иногда добрѣйшаго начальника.

Намъ еще въ гимназіи учитель географіи разсказывалъ, что художникъ Дьяконовъ, впослѣдствіи мой сослуживецъ, желая снять портретъ съ Мусина-Пушкина, какъ-то сговорился съ попечительскимъ лакеемъ, чтобы онъ пустилъ его въ какую-то комнату, гдѣ

и ухитрился снять карандашомъ портретъ попечителя, да такъ удачно, что потомъ, послѣ отдѣлки, осмѣлился поднести ему свое произведеніе.

Попечитель былъ удивленъ, хотѣлъ было жестоко распечь дерзкаго художника, но мастерски-нарисованный портретъ понравился ему. Онъ промѣнялъ гнѣвъ на милость и, улыбаясь, долго распрашивалъ о смѣлой продѣлкѣ художника.

— Счастливъ ты, что я не замѣтилъ тогда,—сказалъ онъ художнику,—а то я принялъ бы тебя за мошенника, да и своего лакея не пощадилъ бы. Вѣдь ты знаешь, что за такую дерзость я могъ бы уволить тебя въ 24 часа, даже сдѣлать тебя несчастнымъ, а лакея—просто приказалъ бы высѣчь на съѣзжей!

Художникъ зналъ, что гроза прошла, кланялся и извинялся.

— Ты мастеръ рисовать, я прощаю тебя, но смотри, чтобы впередъ этого не было. Я оставляю портретъ у себя!

Конечно, художникъ получилъ хорошее вознагражденіе. Много лѣтъ спустя этотъ портретъ былъ отпечатанъ и разосланъ во ввѣренныя попечителю учебныя заведенія.

Никогда я не видалъ, чтобы попечитель протянулъ кому-нибудь руку изъ служившихъ подъ его начальствомъ. Какъ предсѣдатель цензурнаго комитета—и тамъ давалъ себя чувствовать, не стѣснялся въ выраженіяхъ, если невнимательный цензоръ пропускалъ что-нибудь въ вольномъ духѣ или рѣзкое выраженіе. Въ старое педагогическое время и то нужно было почесть за великое счастіе, если попечитель поговоритъ съ тобою ласково, да кивнетъ еще при встрѣчѣ головою, а про руку и говорить нечего; да никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ и думать о такой неслыханной жертвѣ со стороны потомка бѣлой аристократической кости.

Первые три словесные выговора, сдѣланные мнѣ попечителемъ въ классѣ, какъ-то стушевались изъ моей памяти и прошли удачно. Я удивлялся, какъ онъ не уволилъ меня, только, помнится, сказалъ:

— Усы сбрей и не завивайся! Слышишь ли ты?

— Слышу и все будетъ исполнено, ваше превосходительство, что вы изволили приказать мнѣ.

— Ну, теперь прощай, да смотри у меня, не играй службою!— и вышелъ изъ класса.

Еще помнится, что послѣ третьяго словеснаго выговора, сдѣланнаго мнѣ попечителемъ, пришелъ ко мнѣ въ классъ послѣ роспуска воспитанниковъ знаменитый сплетникъ-смотритель N и сказалъ съ злорадствомъ:

— Что опять попались, и по дѣломъ, а вотъ я пойду къ директору, доложу, что г. попечитель удостоилъ своимъ посѣщеніемъ уѣздное училище и распекъ васъ!

— Да онъ вовсе и не распекъ, а только сказалъ, чтобы я сбрилъ усы!

— И это скажу, что вы осмѣлились сказать мнѣ, что не распекъ, а сказалъ!

— Ступайте, жалуйтесь, еще что-нибудь прибавьте, вы вѣдь на это великій чревовѣщатель!.. Я не испугался, а вы такъ себя прекрасно поставили, что вашему наговору директоръ не повѣритъ!

— Вы еще вздумали мнѣ дерзости говорить! Нѣтъ, я не могу простить вамъ! Я имѣю знакъ отличія за XXX лѣтъ, а у васъ еще молочко на губахъ не обсохло! Погодите, будете помнить меня!— горячился и брызгалъ слюною во всѣ стороны ветхій старикашка-смотритель.

Отправляясь съ доносомъ, жалобою или свѣженькою сплетнею на учителей, въ ненастное время года онъ бралъ съ собою древній красный зонтикъ, доставшійся ему отъ какого-то старца-протоіерея и маршировалъ къ Аларчину мосту, гдѣ жила особа на радость или несчастіе для всѣхъ служащихъ въ с. петербургской дирекціи училищъ; но начальство не обращало вниманія на эти доносы, извиняло старца, только удивлялось его безтактнымъ выходкамъ и кутейнической бравадѣ. Въ теченіе своей 72-тилѣтней жизни онъ ни разу не нанялъ извозчика и совершалъ знаменитые походы къ директору по образу пѣшаго хожденія: очень жалко было тратить на извозчиковъ деньги, какъ онъ признавался самъ.

Директоръ, пріѣзжая въ училище, нерѣдко говаривалъ намъ:

— Вы, господа, только сердите старика-смотрителя, живите съ нимъ въ мирѣ.

Серьезныя жалобы на учителей директоръ разбиралъ самъ, творя судъ и расправу, или доносилъ о виновномъ учителѣ попечителю.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда я получилъ третій словесный выговоръ отъ попечителя, и послѣ доноса на меня директору смотрителемъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру училищный сторожъ Юрка съ разсыльной книжкою и вручилъ мнѣ пакетъ. Я росписался въ полученіи, распечаталъ пакетъ и прочелъ давно знакомое всѣмъ: «такой-то учитель приглашается явиться къ г. директору въ такое-то число, мѣсяцъ и часъ для объясненій по дѣламъ службы». Часто подобныя посланія бывали роковыми.

Въ означенный день и часъ пришелъ я къ директору, по обыкновенію, долго дожидался въ пріемной, наконецъ, вышелъ вѣчноулыбающійся толстякъ директоръ, протянулъ правую руку и сказалъ:

— Что, вы опять получили распеканку за усы отъ Михаила Николаевича?

— Виноватъ, Семенъ Семеновичъ, не успѣлъ побриться, а онъ, какъ на грѣхъ, и пріѣхалъ!

— Преподаваніемъ остался ли доволенъ?

— Похвалилъ, Семенъ Семеновичъ!

— Если за преподаваніе похвалилъ, то прощайте; пожалуйста, я прошу васъ, брейтесь! И что за охота вамъ школьничать съ попечителемъ? Вы знаете, что все это можетъ очень скверно кончиться для васъ, да и меня вы поставите въ неловкое положеніе!

Я извинялся, кланялся, уходилъ, тѣмъ исторія и кончалась. На другой день мы встрѣчались въ училищѣ съ смотрителемъ какъ ни въ чемъ не бывало. Проходили мѣсяцы, распеканка позабывалась, и я опять щеголялъ въ усахъ и съ длинными волосами. Смотритель нарочно не дѣлалъ мнѣ замѣчанія, даже не доносилъ на меня директору. При случаѣ онъ всегда могъ вывернуться и сказать, что не только его, но и директора я не слушаюсь. Конечно, кутейникъ-смотритель все это дѣлалъ съ цѣлію, и душевно былъ бы радъ, если бы я опять попался въ усахъ попечителю, который выгналъ бы меня изъ службы.

Четвертый словесный выговоръ едва не кончился для меня несчастіемъ; но Богъ, директоръ и чтеніе «Клеветникамъ Россіи» спасли меня. Дѣло было въ глубокую осень. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь въ классъ и сказалъ тихо:

— Попечитель съ директоромъ пріѣхали.

Я струхнулъ порядкомъ, зачесалъ волоса за уши, но такъ какъ они вились у меня отъ природы, то и не слушались гребенки; а усы, какъ два доносчика картинно лежали на верхней губѣ и подсмѣивались надъ моимъ страхомъ.

«Мать Пресвятая Богородица,—подумалъ я,—спаси меня отъ приближающагося урагана!»

Я подошелъ къ шкафу и мнѣ какъ будто кто-то шепнулъ: возьми хрестоматію и прочитай: «Клеветникамъ Россіи»...

Вдругъ отворилась дверь въ классъ и вошелъ, сильно опираясь на костыль, попечитель, а за нимъ директоръ училищъ.

— Здравствуйте, дѣти!—громко сказалъ попечитель, покосился на меня и гроза блеснула на глазахъ его.

Моментально всѣ ученики встали и дружно гаркнули:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Раньше я застегнулъ вицмундиръ на всѣ шесть пуговицъ, держалъ въ лѣвой рукѣ хрестоматію, отвѣсилъ низкій поклонъ попечителю и директору.

— Здорово, ты что тутъ дѣлаешь? спросилъ попечитель.

— Читаю стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», ваше превосходительство!

— Читай!

Попечитель пошелъ, опираясь на костыль, и сѣлъ съ директоромъ на незанятую заднюю скамейку.

Время прошлое, я грѣшенъ, каюсь, что любилъ изучать слабыя струнки своихъ начальниковъ и отлично зналъ, что высокоуважаемый Михаилъ Николаевичъ любилъ слушать, когда кто хорошо

читалъ изъ учителей: Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, Крылова и другихъ классиковъ.

Безъ фанфаронства, но я читалъ мастерски, нерѣдко получалъ личныя благодарности отъ начальства, а въ среднихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ ученики и ученицы называли меня отличнымъ декламаторомъ. Я учился декламаціи у знаменитаго въ свое время артиста Максимова 1-го, который по рекомендаціи и просьбѣ извѣстнаго табачника Жукова училъ меня даромъ. Максимовъ всегда оставался моимъ чтеніемъ доволенъ, хваля, какъ я читалъ извѣстныя стихотворенія, монологи изъ драмъ и комедій.

Мое сердце сильно билось, я зналъ, что моя служба виситъ на волоскѣ.

«Можетъ быть,—думалъ я,—Пушкинъ выручитъ»; я не ошибся въ немъ и прочелъ мастерски.

Попечитель и директоръ остались очень довольны моимъ чтеніемъ, директоръ даже не вытерпѣлъ и позволилъ себѣ что-то тихо сказать попечителю, на что тотъ, вѣроятно, въ знакъ удовольствія кивнулъ головою и, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся.

Я, раскраснѣвшись, смѣло смотрѣлъ на попечителя, ожидалъ своего приговора и думалъ: «погибать, такъ погибать!»

Попечитель громко сказалъ мнѣ:

— Спасибо, благодарю, точно актеръ, даже рукою куда-то указывалъ! Превосходно сказалъ:

«Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
«Среди не чуждыхъ имъ гробовъ!»

Я поклонился.

— Я служилъ офицеромъ въ Отечественную войну и отлично помню нашествіе французовъ на Россію,—сказалъ попечитель и всталъ.

Директоръ послѣдовалъ его примѣру.

Директоръ, стоя сзади попечителя, привѣтливо улыбался мнѣ, качалъ головою и показывалъ на усы. Я думалъ: «и ты, Брутъ, противъ меня».

— Что ты теперь будешь дѣлать?—спросилъ попечитель.

— Буду разсказывать ученикамъ, ваше превосходительство, по какому случаю было написано это стихотвореніе безсмертнымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ, а потомъ буду объяснять всѣ непонятныя слова, встрѣчающіяся въ этомъ прекрасномъ произведеніи.

Я ждалъ, что скоро приблизится гроза, потому что предатели-усы не исчезли чудомъ, но картинно лежали на старомъ мѣстѣ. «Эхъ, думалъ я, была не была, не попросить ли позволенія у его превосходительства прочитать еще монологъ изъ Гамлета или не хватить ли еще изъ Пушкина:

«Румяны щечки пожелтѣютъ,
«И черны кудри побѣлѣютъ,
«И старость выщиплетъ усы!»

Да вдругъ вспомнилъ, а что если попечитель разсердится, то и «Клеветникамъ Россіи» не спасутъ отъ увольненія.

— Хорошо, разсказывай! — И попечитель сталъ слушать стоя.

Я разсказывалъ до тѣхъ поръ, пока не раздался колокольчикъ въ корридорѣ, давая знать, что наступила перемѣна.

— Довольно, благодарю, хорошо! Дѣти, идите на перемѣну! — сказалъ попечитель.

Когда всѣ ученики ушли, попечитель подошелъ съ директоромъ къ окну и подозвалъ меня къ себѣ.

Я приблизился къ нему, замѣтилъ, что онъ нахмурилъ и сдвинулъ брови, что предвѣщало грозу. «Да будетъ во всемъ воля Господня», подумалъ я.

— Ты кто такой?—грозно спросилъ попечитель.

Я былъ убитъ горемъ и молчалъ.

— Я спрашиваю тебя: ты кто такой?

— Учитель, ваше превосходительство!

— Учитель, а развѣ учитель имѣетъ право носить усы и длинные волосы въ завиткахъ? Ты вѣдь знаешь, что я былъ офицеромъ, да и то не имѣю права носить усовъ! Но, что ты на это скажешь, усачъ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, едва сегодня не проспалъ на урокъ, не успѣлъ побриться и подстричь волосы.

— А зачѣмъ ты завиваешься,—вѣрно у тебя много денегъ?

— Я не завиваюсь, ваше превосходительство, они вьются у меня отъ природы; что же касается до денегъ, то осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что скоро наступитъ зима, а у меня нѣтъ зимняго пальто!

Я былъ чувствителенъ и слезы невольно показались на глазахъ, но я поспѣшно ихъ вытеръ.

— Да ты дѣлалъ ли ему выговоры, чтобы онъ не носилъ усовъ и длинныхъ волосъ? — обратился попечитель къ директору, — ты вѣдь знаешь, что я терпѣть не могу, кто у меня изъ подчиненныхъ отступаетъ отъ высочайше утвержденнаго правила! А хорошъ ли онъ по службѣ?

— Прошедшій разъ я сдѣлалъ выговоръ ему, ваше превосходительство, но онъ, вѣроятно, по молодости лѣтъ и разсѣянности забылъ побриться и постричь волосы, но что же касается до службы, то вы, ваше превосходительство, изволили остаться чтеніемъ его довольны, а я осмѣливаюсь доложить, что считаю его однимъ изъ лучшихъ и опытныхъ учителей; душевно сожалѣю, что онъ живетъ въ крайней бѣдности и содержитъ больную мать,—сказалъ директоръ.

— Слышишь, любезный, какая тебѣ прекрасная похвала, а ты еще вздумалъ модничать—носить усы и длинные волосы!

Гроза уже проходила и изъ-за тучъ проглядывало солнышко.

— Какъ же ты думаешь о зимнемъ пальто?—спросилъ попечитель.

— Какъ-нибудь, ваше превосходительство, прохожу зиму. Никто какъ Богъ!

На сердитомъ и суровомъ лицѣ попечителя блеснула улыбка, онъ ласково взглянулъ на меня, видимо, ему стало жаль восемнадцатилѣтняго учителя, и онъ пожелалъ спасти меня отъ простуды, а, можетъ быть, и отъ смерти. Попечитель сказалъ:

— Я подумаю о твоемъ зимнемъ пальто! Смотри же, сбрей усы, а не то я велю ихъ сбрить на барабанѣ! Слышишь?! Понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство!

— За чтеніе спасибо, усовъ и длинныхъ волосъ смотри не носи,— и, выходя изъ класса, попечитель сталъ декламировать:

«Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
«Отъ потрясеннаго Кремля
«До стѣнъ недвижнаго Китая,
«Стальной щетиною сверкая,
«Не встанетъ русская земля?»...
. . . . . .

Черезъ нѣсколько времени я былъ обрадованъ приглашеніемъ явиться къ директору и получилъ отъ него 75 рублей, которые были переданы ему попечителемъ, чтобы я купилъ не только зимнее пальто, но и заказалъ бы вицмундиръ, брюки и сапоги, потому что мои доспѣхи были плохи, а на нихъ, какъ сказалъ директоръ, его превосходительство обратилъ вниманіе.

Къ зимѣ я купилъ пальто съ отличнымъ чернымъ собачьимъ воротникомъ, даже немножко напомадилъ его; сдѣлалъ новую синюю тройку, купилъ на Толкучкѣ сапоги съ галошами и лѣтъ на пять съ матерью былъ обезпеченъ въ платьѣ и во всякой всячинѣ. Благодаря поддержкѣ человѣколюбиваго начальника, въ хозяйствѣ прибавилось много посуды, даже былъ купленъ новый самоваръ; но на карманные часы не достало денегъ, и я щеголялъ съ отлично вычищенною мѣдною цѣпочкою, на которой былъ привѣшенъ ключъ отъ пустого письменнаго ящика. Я былъ бѣденъ, но молодъ, исправенъ, трудолюбивъ,—и попечитель наградилъ меня изъ своихъ собственныхъ средствъ (онъ былъ не богатъ), выдалъ мнѣ пособіе съ условіемъ, какъ мнѣ наказывалъ директоръ, чтобъ я никому не болталъ.

Многіе изъ моихъ сослуживцевъ при одномъ имени попечителя приходили въ ужасъ, но я нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ безъ всякаго страха. Правда, за усы и длинные волосы мнѣ доставалось

порядкомъ, но я любилъ эту свѣтлую и безъ всякой фальши личность. Я не обращалъ вниманія на фельдфебельское его тыканье, а иногда и грубыя выраженія. Я зналъ, что онъ вслѣдствіе своего вспыльчиваго характера оборветъ, обидитъ жестоко, но никогда не уволитъ безъ причины. Боже сохрани, еслибы кто изъ подчиненныхъ вздумалъ возражать ему, тогда не жди пощады. Попечитель дѣлалъ и такъ: позоветъ жалующагося и обвиняемаго, разспроситъ въ подробностяхъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и, если увидитъ, что это интрига и наглая ложь начальника на подчиненнаго, то такого язычника, по выраженію попечителя, онъ увольнялъ въ 24 часа.

Побольше бы такихъ добросовѣстныхъ и справедливыхъ начальниковъ, а то большая часть изъ нихъ живетъ и служитъ только для себя и своихъ любимчиковъ. . . . . .

Случалось, что попечитель пріѣзжалъ и на публичные экзамены въ наше училище. Такъ, однажды случилось, что Мусинъ-Пушкинъ нагрянулъ какъ снѣгъ на голову на экзаменъ исторіи. Все присутствующее ученое начальство перепугалось, а у учителя историческихъ наукъ душа ушла въ пятки.

Вызвали ученика III уѣзднаго класса, и учитель предложилъ взять билетъ. Ученикъ взялъ и прочиталъ: «Междуцарствіе».

— Ну, говори,—громко сказалъ попечитель.

Заиграли куранты и пошелъ ученикъ валять по Устрялову.

— Довольно! скажи ты мнѣ—какое правленіе въ Россіи?

Ученикъ не растерялся, но невнятно и тихо сказалъ «неограниченное».

— Врешь ты, правленіе въ Россіи всегда было неограниченное!—сказалъ попечитель.

Учитель былъ блѣденъ, но не сробѣлъ и громко сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что ученикъ такъ и отвѣтилъ, какъ вы изволили сказать.

— Если такъ, то пусть по твоему!

Будь попечитель не въ духѣ, ураганъ разразился бы надъ бѣднымъ учителемъ, но Богъ спасъ.

— Когда Рюрикъ вступилъ на престолъ и сколько лѣтъ княжилъ?—спросилъ попечитель того же ученика.

Всѣ ученики знали хронологію по Язвинскому хорошо и ученикъ громко, даже речитативомъ пробарабанилъ:

— Рюрикъ вступилъ на престолъ въ 862 г. и княжилъ 17 лѣтъ!

— Хорошо, иди на мѣсто!

И попечитель велѣлъ поставить ученику пять.

Учителя держали ухо востро, знали всѣ любимые вопросы попечителя и изучили ихъ отъ доски до доски.

Былъ и другой случай на публичномъ экзаменѣ, гдѣ отъ попечителя порядкомъ досталось на орѣхи учителю историческихъ

наукъ; даже лежащій на столѣ въ числѣ вещественныхъ документовъ Устряловъ не могъ выручить учителя.

— Ты, братъ, меня не учи,—говорилъ попечитель,—не указывай на Устрялова: я самъ изучалъ исторію, лично участвовалъ въ Отечественной войнѣ, а ты тогда еще и не родился!

Учитель стоялъ какъ приговоренный къ смерти и думалъ: «ты прости-прощай училище и вмѣстѣ съ нимъ не село родное, а моя служба!» Попечитель строго посмотрѣлъ на учителя, который былъ взволнованъ, спросилъ фамилію, — тѣмъ дебаты и кончились, но будь онъ не въ духѣ — не сдобровать бы учителю.

Всѣ знали, что болѣе всего попечитель любилъ спрашивать учениковъ про царствованіе Александра Благословеннаго. Учителя даже приносили въ классъ знаменитаго историка Михайловскаго-Даниловскаго, раскладывалась карта Бородинской битвы и изучались мѣста со всѣми деталями. Конечно, не были забыты Тарутино, Малый Ярославецъ и другія замѣчательныя битвы россійскихъ войскъ. Ученики заучивали всѣхъ отличившихся генераловъ въ этой битвѣ, даже знали полкового командира, гдѣ служилъ попечитель и былъ раненъ. Былъ даже такой историческій учитель, который просилъ директора училищъ, чтобы онъ позволилъ ему обратиться къ попечителю съ такимъ привѣтствіемъ, отвѣчая на вопросъ — какой подвигъ совершилъ его превосходительство въ Бородинской битвѣ: бывъ раненъ въ кровавой сѣчѣ, оросивъ священное поле своею благородною кровью, вынесенъ съ поля битвы вѣрными усачами-воинами, которые, видѣвъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ жестоко раненымъ, истекающимъ кровью, проливали горючія слезы, капавшія на сѣдые усы...

— Витіевато вы говорите, — сказалъ директоръ, — но все это пустяки, и я совѣтую вамъ лучше не выходить изъ рамокъ преподаванія и не ѣсть всякой дряни, особенно луку, когда идете въ классъ! Извините, мнѣ даже противно съ вами разговаривать и нюхать трущобный букетъ Сѣнной площади, а пріѣдетъ попечитель, тогда не только-что удалитъ изъ службы за такой специфическій запахъ отъ васъ, но и я получу выговоръ, какъ виновникъ распространенія зловонія. Бросьте эту дурь, полощите ротъ фіалковымъ корнемъ и чаще ходите въ баню!

Послѣ учитель разсказывалъ намъ, что директоръ обидѣлъ его, коснулся тайныхъ струнъ его сердца, даже будто хотѣлъ заглянуть въ тайникъ души его; «но я, — говорилъ онъ намъ, — рѣшительно не виноватъ въ томъ, что люблю натощакъ отъ юности моей ѣсть разные злаки, отъ которыхъ при разложеніи изо рта попахиваетъ природными газами!» Всѣ мы подсмѣивались надъ нимъ, въ глаза называли его хорькомъ, но онъ и не думалъ сердиться! Впослѣдствіи онъ сталъ сильно попивать, былъ уволенъ и умеръ гдѣ-то подъ заборомъ. . . . . .

Много улетучилось изъ головы, но помню, что на публичномъ экзаменѣ со слезами на глазахъ, послѣ разсказа ученика объ Отечественной войнѣ, попечитель всталъ съ креселъ и началъ самъ повѣствовать, какъ былъ раненъ князь Багратіонъ, какъ не нашли послѣ сраженія трупа графа Кутайсова, а только лошадь его съ окровавленнымъ сѣдломъ прибѣжала въ станъ. Долго и много говорилъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ о герояхъ двѣнадцатаго года и закончилъ словами: «въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Благословенный спасъ всю Европу отъ ига Наполеона»!

Все ученое начальство, учителя, учащіеся, родители, родственники ихъ и всѣ присутствующіе на публичномъ экзаменѣ, стояли опустивъ глаза долу и съ замираніемъ сердца слушали медорѣчивое, трогательное повѣствованіе старца-инвалида. Было много и плакавшихъ. На публичныхъ экзаменахъ попечитель постоянно сидѣлъ долго, любилъ публично похвалить, но и на выговоры не скупился.

Изъ задачъ онъ болѣе любилъ военныя, въ которыхъ осаждались крѣпости и при этомъ сколько во время осады или битвы было убито генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, солдатъ, сколько было ранено; не забывались даже и лошади, сколько было израсходовано пороху, ядеръ и прочей военной закуски, сколько осталось въ строю. По рѣшенію всегда выходило такъ, что убитыхъ непріятелей было больше, чѣмъ россіянъ. Попечитель не любилъ, чтобы убитые были представлены въ десятичныхъ дробяхъ.

— Ты выведи мнѣ рѣшеніе въ простыхъ числахъ, — говорилъ попечитель учителю, — вѣдь изъ присутствующихъ на экзаменѣ многіе не изучали десятичныхъ дробей, они и знать поэтому не будутъ сколько въ битвѣ убито русскихъ и сколько враговъ!

Приказаніе въ точности исполнялось.

Попечитель и всѣ присутствовавшіе на экзаменѣ оставались довольны, что малютки-ученики рѣшали такія головоломныя задачи, и главное, что даже въ задачахъ наша армія одерживала побѣды, убитыхъ и раненыхъ была бездѣлица, за то съ непріятельской стороны все бранное поле было усѣяно убитыми и ранеными!...

III.

Много лѣтъ прошло съ того времени, какъ я видѣлъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова; но эта симпатичная личность произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я до сихъ поръ не могу забыть этой встрѣчи.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ я служилъ въ N уѣздномъ училищѣ; во время большой перемѣны моя обязанность была разъ въ недѣлю дежурить и смотрѣть за учениками. Дежурство продолжа-

лось около часа. Въ корридорѣ, ниже часовъ и рядомъ съ росписаніемъ уроковъ, было вывѣшено объявленіе, что «никто не имѣетъ права безъ позволенія начальства посѣщать и осматривать уѣздное училище». Осенью, года не помню, я былъ дежурнымъ, разгуливалъ по корридору, заглядывалъ въ классы, чтобы ученики шумѣли потише: шелъ дождь, и они не были отпущены играть на дворъ. Въ нашемъ училищѣ было много учащихся и оно ставилось какъ образцовое. Шуму и крику было вдоволь, приходилось смотрѣть въ оба, чтобы ученики не сочинили мамаево побоище и не пошли бы въ походъ классъ на классъ, чтобы потомъ устроить соборную свалку со всѣми запасными резервами. Впрочемъ, у насъ вмѣсто осадной артиллеріи противъ полководцевъ и храбрыхъ джигитовъ было страшное 1½ аршинное орудіе — розги, такъ долго повелѣвавшія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не только на страхъ лѣнтяямъ и шалунамъ, но и на страхъ тѣмъ, которые осмѣливались быть дерзкими, непослушными, неблагонамѣренными, неоднократно замѣченными въ куреніи Жукова табаку изъ своихъ маленькихъ трубочекъ.

Внизу у парадной лѣстницы училища былъ дежурный сторожъ. Смотрю, кто-то въ черномъ пальто, съ зонтикомъ и цилиндромъ въ рукѣ поднимается по лѣстницѣ, а сзади его сторожъ Юрка. Вошедшій на площадку корридора не представлялъ ничего начальническаго и походилъ на многихъ изъ тѣхъ посѣтителей, которыхъ мы привыкли встрѣчать почти ежедневно, т. е. родителей или родственниковъ учащихся въ уѣздномъ училищѣ.

Посѣтитель былъ небольшого роста, не худъ, волоса съ просѣдью, рѣдкіе и гладко причесаные, глаза онъ имѣлъ каріе и говорилъ тихо. Пальто его было застегнуто на всѣ пуговицы.

Я подошелъ къ вошедшему, который стоялъ на площадкѣ корридора и пристально смотрѣлъ на меня.

На поклонъ его я поклонился и спросилъ:

— Что вамъ угодно и съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я желалъ бы осмотрѣть училище и послушать преподаваніе,—сказалъ незнакомецъ.

— Безъ позволенія начальства осматривать училище и слушать преподаваніе никто не имѣетъ права: неугодно ли вамъ прочесть объявленіе, которое въ трехъ шагахъ висѣло отъ насъ.

— Зачѣмъ читать, я вѣрю; а развѣ вы не знаете меня молодой человѣкъ?

— Не имѣю чести знать!

— А гдѣ я могу снять пальто?

— Всѣ мы служащіе и посѣтители снимаютъ пальто въ этомъ корридорѣ и кладутъ на перила лѣстницы.

— Такъ позвольте снять пальто?

Я поклонился и сказалъ сторожу:

— Сними пальто!

Юрка сталъ снимать пальто, а я съ удивленіемъ смотрѣлъ на незнакомца. Юрка снялъ пальто, положилъ его на перила, а зонтикъ на лавочку, которая помѣщалась около перилъ. Я увидѣлъ, что незнакомецъ былъ въ синемъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и съ двумя звѣздами!..

Въ это время во II уѣздномъ классѣ стали кричать и кто-то заплакалъ.

Я извинился передъ незнакомцемъ, побѣжалъ въ классъ творить судъ. Записавъ подсудимыхъ, я, возвратясь, сказалъ:

— Позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть и послушать преподаваніе въ училищѣ!

Я не испугался, какъ гоголевскій городничій, и не сталъ произносить: ва... ва... ва... а предложилъ:

— Не угодно ли вашему сіятельству, такъ какъ до начала уроковъ осталось три четверти часа, осмотрѣть классы и библіотеку?

— Хорошо, идите и показывайте,—сказалъ министръ.

Вмигъ всѣ воспитанники узнали, черезъ другого сторожа Андрея (нѣкоторые же сами замѣтили, что какой-то важный начальникъ со звѣздами разговариваетъ со мной), что пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Ученики быстро разбѣжались по классамъ, съ любопытствомъ стали разсматривать министра и кланяться ему, а онъ привѣтливо отвѣчалъ имъ и говорилъ:

— Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!

Моментально онъ произвелъ на всѣхъ учениковъ симпатичное впечатлѣніе, и на него уже съ любовью смотрѣли, какъ дѣти на добраго отца. Да онъ и всегда былъ такимъ для ближнихъ.

Министръ былъ удивленъ, что ученики перестали шумѣть, возиться, кричать, и спросилъ меня:

— Развѣ перемѣна кончилась?

— Нѣтъ еще, но изъ глубочайшаго уваженія къ вашему сіятельству они сами не желаютъ своимъ крикомъ безпокоить васъ— и притихли.

— Похвально, похвально, что ваши ученики ведутъ себя такъ примѣрно.

Я поклонился. Мы обошли всѣ классы, нѣкоторыхъ учениковъ министръ спрашивалъ,—давно ли они учатся, сколько имъ лѣтъ и кто ихъ родители.

Министръ осмотрѣлъ библіотеку и спросилъ сколько въ ней названій и книгъ, на сколько выписывается и кто завѣдуетъ биліотекой?

Я доложилъ министру, что завѣдую я и разсказалъ ему со всѣми деталями все то, о чемъ было угодно министру спросить меня.

Министръ остался доволенъ моими отвѣтами и благодарилъ за отличный порядокъ въ библіотекѣ. Министръ, увидѣвъ учителей въ корридорѣ, которые кланялись ему, поклонился имъ и каждаго спросилъ, что онъ преподаетъ.

Смотритель отсутствовалъ и, вѣроятно, собиралъ сплетни во ввѣренныхъ ему другихъ училищахъ.

Министръ посмотрѣлъ на часы, велѣлъ подать пальто и сказалъ:

— Жаль, что я не имѣю болѣе времени быть въ училищѣ, но благодарю васъ, господа, что я нашелъ N уѣздное училище въ отличномъ порядкѣ и вамъ, обращаясь ко мнѣ, приношу мою личную благодарность за отличный порядокъ въ библіотекѣ и за то, что вы буквально исполняете предписаніе начальства, не смотря на ваши очень молодые годы, такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы!

Я низко поклонился.

Министръ удостоилъ дать мнѣ руку.

— Прощайте, гг. учителя,—сказалъ министръ, поклонился имъ, учителя сдѣлали тоже, и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Какъ дежурный, я проводилъ министра до парадныхъ дверей, которыя были отворены настежь, и двое сторожей стояли по обѣимъ сторонамъ ихъ.

При прощаніи министръ еще разъ удостоилъ дать мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, молодой человѣкъ, я не забуду васъ!

Часа черезъ полтора пришелъ въ училище смотритель, узналъ, что я занимаюсь въ библіотекѣ, прибѣжалъ туда и сталъ кричать:

— Да какъ вы смѣли не знать министра народнаго просвѣщенія Платона Александровича князя Ширинскаго-Шихматова, теперь ужъ вамъ не сдобровать и г. попечитель непремѣнно уволитъ васъ въ отставку. Я побѣгу сейчасъ къ г. дириктору и разскажу все! Не ожидалъ отъ васъ такого пассажа!—горячился смотритель и брызгалъ слюною.

Я смотрѣлъ съ презрѣніемъ на эту педагогическую сороконожку, улыбался и сказалъ ему:

— Вы кричали на меня, говорили чепуху, я прощаю вамъ потому, что вы невѣжа, извѣстный сплетникъ и давно страдаете разжиженіемъ мозга! Идите жаловаться хотя къ самому багдадскому халифу и не мѣшайте мнѣ работать!

— Я донесу на васъ рапортомъ, милостивый государь, что вы обидѣли меня, посылали жаловаться къ какому-то багдадскому пирожнику, разговаривали со мною сидя, когда я ближайшій вашъ начальникъ, штатный смотритель и коллежскій ассесоръ стоялъ предъ вами! Я буду искать защиты у правосудія! — кричалъ на меня смотритель.

— Вы еще не заслужили, чтобъ я предъ вами стоялъ,—идите и жалуйтесь кому вамъ будетъ угодно!—сказалъ я.

Смотритель побѣжалъ въ другія училища къ своимъ знакомымъ и забилъ тревогу, что будто бы я нарочно не хотѣлъ пустить министра въ училище, обидѣлъ штатнаго смотрителя, назвавъ его багдадскимъ пирожникомъ, даже хотѣлъ нанести оскорбленіе дѣйствіемъ и осмѣлился сидѣть передъ своимъ ближайшимъ начальствомъ!

Никто не вѣрилъ его редакціи, и только удивлялись, что онъ лжетъ хуже Ноздрева, а занимаетъ ученый постъ!

У смотрителя вышло изъ памяти висѣвшее на стѣнѣ правило, что никто не имѣетъ права посѣщать и осматривать училище, на которое и указывали всѣ учителя, «а не видавши отъ роду, — говорили они, — министра, невозможно въ каждомъ пришедшемъ въ училище видѣть высокопоставленное лицо!» Вразумить обезумѣвшаго смотрителя было невозможно. Онъ твердилъ всѣмъ и каждому, что «я долженъ былъ знать министра» (вѣроятно, по откровенію свыше) и что онъ не багдадскій пирожвикъ, а государю своему коллежскій ассесоръ!

Пріѣзжали ко мнѣ учителя нарочно узнать, что сія опера-буффъ сплетника смотрителя значитъ?!

— Будьте терпѣливы,—говорилъ я любопытнымъ,—время покажетъ виноватъ ли я или нѣтъ!

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ на квартиру сторожъ Андрей съ разсыльною книгою, въ которой лежалъ пакетъ на мое имя. Я росписался, распечаталъ пакетъ и прочиталъ: «завтра, въ 8 часовъ утра, явиться по дѣламъ службы къ г. директору, съ которымъ я долженъ буду ѣхать къ его превосходительству г. попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину».

Ну, думалъ я, быть худу, быть бѣдѣ, сокрушайся сердце, когда языкъ не смѣетъ говорить!

На другой день, еще не было 8 часовъ утра, какъ я уже пришелъ къ директору, который ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, отворилъ мнѣ самъ парадную дверь, повелъ въ кабинетъ, просилъ сѣсть и разсказать со всѣми деталями посѣщеніе училища министромъ народнаго просвѣщенія.

«Эхъ, думалъ я, глядя на блѣдное лицо директора, какого онъ страха и на тебя бѣднаго нагналъ, а все виноватъ изъ ума выжившій смотритель!»

Я разсказалъ. Директоръ попотчивалъ меня папироскою и сказалъ:

— Все это прекрасно, но развѣ вы прежде никогда не видали министра народнаго просвѣщенія?

— Нѣтъ, не видѣлъ!

— Очень жаль,—сказалъ директоръ.

«Чтожъ онъ жалѣетъ? Эдипъ, разрѣши!» подумалъ я.

— Впрочемъ, пора, поѣдемте къ попечителю, я не знаю, какъ онъ на это даже взглянетъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой! — проговорилъ печально директоръ.

— Мнѣ бояться нечего, Семенъ Семеновичъ,—сказалъ я директору,—тѣмъ болѣе, что министръ остался мною доволенъ!

— Дай Богъ, чтобы все окончилось къ лучшему, я буду очень радъ, поѣдемте,—сказалъ директоръ.

Мы вышли на улицу, наняли извозчика и поѣхали къ грозному судьѣ.

Надобно замѣтить, что въ то время фотографіи еще не существовало, а изъ литографированныхъ портретовъ былъ одинъ — бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, да и тотъ уже не красовался на стѣнѣ въ библіотекѣ, не приводилъ никого изъ учителей въ страхъ и трепетъ, а, какъ отставной, мирно покоился въ библіотечномъ шкафу и дожидался съ сокрушеннымъ сердцемъ, что вотъ скоро наступитъ то время, когда изображеніе его вынется изъ золоченой рамки и будетъ переплетчикомъ вставленъ литографированный портретъ новаго министра...

Наконецъ, мы пріѣхали, вошли въ квартиру попечителя и стали дожидаться въ пріемной.

Сейчасъ доложили о насъ, потому что попечитель ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ. По уходѣ очереднаго просителя, вышелъ лакей и попросилъ директора къ его превосходительству. Я остался и слышалъ, какъ попечитель кричалъ на кого-то и хотѣлъ выгнать вонъ.

Вѣроятно, меня, подумалъ я.

— А учитель здѣсь?—громко спросилъ онъ у директора.

— Въ пріемной, ваше превосходительство!

— Позвать его!

Отворились двери, и лакей сказалъ мнѣ.

— Пожалуйте къ его превосходительству!

Оставшіеся въ пріемной педагогическіе калѣки, убогіе просители и просительницы съ жалостію посмотрѣли на меня, а какая-то ветхая и убитая горемъ старушка со слезами на глазахъ проговорила вслѣдъ мнѣ:

— Бѣдный молодой человѣкъ!

«Да, подумалъ я, плачь и молись, горемычная старушка, можетъ быть, твоя молитва обо мнѣ дойдетъ до Бога!..»

Я перекрестился и подумалъ: «да будетъ во всемъ Твоя святая воля!»

Я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ за длиннымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ грозный и лютый попечитель, въ застегнутомъ вицмундирѣ, со звѣздами, съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, который, какъ и хозяинъ его, свирѣпо смотрѣлъ на меня, а звѣзды на вицмундирѣ какъ будто мигали и ласково шептали мнѣ: «не бойся, голубчикъ!»

Директоръ стоялъ у стола въ застегнутомъ вицмундирѣ и былъ очень блѣденъ.

Я поклонился.

— Здорово, и какъ ты смѣлъ не пустить министра въ училище, отвѣчай!—грозно сказалъ попечитель, нахмуривъ брови и свирѣпо посмотрѣвъ на меня.

— Я не зналъ, что этотъ посѣтитель былъ министръ народнаго просвѣщенія, а потому не могъ позволить осмотрѣть училище согласно циркуляру вашего превосходительства, въ которомъ объявлено, что никто не имѣетъ права безъ дозволенія начальства посѣщать и осматривать училища,—отчеканилъ я, нисколько не оробѣвъ и смѣло глядя въ глаза вспыльчивому, но добрѣйшему начальнику.

— За кого же ты принялъ министра?

— Я принялъ его, ваше превосходительство, за обыкновеннаго посѣтителя и думалъ, что онъ пришелъ въ училище для того, чтобы отдать сына или справиться, какъ учатся дѣти его!

— Ну, вѣдь ты могъ узнать по костюму и звѣздамъ, что это государственная особа?

— Пальто было застегнуто, одѣтъ былъ очень просто, ваше превосходительство, а потому я и не подозрѣвалъ, что это государственная особа!

— Постой, постой, а какъ же ты послѣ узналъ, что посѣтитель былъ министръ?

— Когда посѣтитель, ваше превосходительство, снялъ пальто, я увидѣлъ, что на немъ былъ надѣтъ синій вицмундиръ съ двумя звѣздами, и онъ сказалъ мнѣ:—Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть училище.

— А портретъ министра есть въ училищѣ?

И попечитель, видимо, сталъ дѣлаться веселѣе.

— Нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чтожъ, министръ остался доволенъ осмотромъ училища? Вѣдь я знаю тебя, что ты большой мастеръ говорить!—и ласково посмотрѣлъ на меня.

Я улыбнулся и разсказалъ подробно пріѣздъ министра въ училище и заключилъ, что министръ поблагодарилъ всѣхъ учителей за отличный порядокъ въ училищѣ и что я удостоился получить отъ него личную благодарность за библіотеку и за то, что буквально исполнилъ предписаніе начальства; «и не смотря на ваши молодые годы», сказалъ мнѣ министръ, «вы такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы», и на прощаніи удостоилъ еще подать мнѣ руку и сказалъ, что «не забудетъ меня!»

— Смотри, сегодня я буду у министра и все узнаю!

— Тѣмъ лучше будетъ для васъ, ваше превосходительство, что вы имѣете подъ своимъ начальствомъ такого исправнаго учителя.

— Да, ты правъ! Я сознаюсь, что разсердился понапрасну на тебя; душевно благодарю, что министръ остался доволенъ училищемъ и радуюсь, что онъ далъ тебѣ руку! Это, братъ, такая великая честь для учителя, которой не всякій удостоится!

Я поклонился.

— Прощай! иди,—нѣтъ, постой! А ты въ усахъ встрѣтилъ министра?

Я замѣтилъ, что попечитель очень развеселился (что было съ нимъ рѣдко), да и у директора пропала блѣдность.

Онъ сталъ весело смотрѣть на меня и улыбаться.

— Послѣ выговора вашего превосходительства усы перестали рости у меня!

— Отчего же они перестали рости?—спросилъ, смѣясь, веселый начальникъ.

— Отъ страха, который угодно было сдѣлать вашему превосходительству моимъ усамъ, чтобы они болѣе не смѣли рости.

Онъ такъ громко сталъ смѣяться, какъ гоголевскій генералъ Бетрищевъ, а директоръ хихикалъ тихонько, какъ подобаетъ подчиненному, закрывая ротъ платкомъ. Я же по чину могъ только улыбаться, и душевно былъ радъ, что удалось мнѣ развеселить почти постоянно угрюмаго начальника.

— Иди, прощай, еще разъ благодарю тебя!—сказалъ попечитель и всталъ съ креселъ.

Я зналъ, что ураганъ разнесся, солнышко бросило свѣтлый лучъ на меня, природа освѣжилась, директоръ, какъ тюльпанъ, привѣтливо кивалъ мнѣ головой, и я даже почувствовалъ, что въ кабинетѣ запахло фіалками, а не прежнимъ специфическимъ запахомъ: «выгоню вонъ»!

«Надобно, думалъ я, воспользоваться геніальнѣйшею мыслью—попросить пособіе! Можетъ быть, клюнетъ: тѣмъ болѣе, что попечитель былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и не откажетъ».

Я стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Ты чего дожидаешься?—И онъ подошелъ ко мнѣ.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что крайняя нужда заставляетъ меня обратиться съ покорнѣйшей просьбой о выдачѣ мнѣ единовременнаго пособія. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я подавалъ просьбу г. директору, но мнѣ было отказано за неимѣніемъ денегъ.

Вообще, этотъ директоръ имѣлъ заячій характеръ, заботился только о себѣ и о своихъ любимчикахъ, а представлять другихъ къ наградамъ какъ-то позабывалъ.

— Скажите, пожалуйста, какая смѣлость?—обратился попечитель къ директору.

Директоръ ничего не могъ отвѣтить, а только опять поблѣднѣлъ и сталъ пристально смотрѣть на меня.

— Вы мой отецъ и начальникъ, а потому я и осмѣлился обратиться къ вамъ, ваше превосходительство, что я съ больною матерью положительно нахожусь въ самомъ крайнемъ и безотрадномъ положеніи! Одна надежда на ваше человѣколюбивое вниманіе!

Мои слова опять тронули попечителя и онъ сказалъ:

— Вѣрю, и мнѣ жаль тебя, но въ министерствѣ, любезный, денегъ нѣтъ; а, впрочемъ,—весело посмотрѣлъ и взялъ меня за подбородокъ,—если я найду возможность, то такому хорошему учителю не откажу, и ты получишь отъ директора. Прощай!

Я поклонился и вышелъ.

Въ пріемной радостно встрѣтили меня просители и просительницы, увидѣвъ, что я возвратился веселымъ.

Ветхая старушка спросила меня:

— Ну, что, родимый, спасла ли тебя Царица Небесная отъ напраслины злыхъ людей?

— Не только спасла, милая старушка, но еще большую радость удостоился получить!

Я раскланялся со всѣми чающими, алчущими и жаждущими, и веселo пошелъ домой.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я былъ призванъ къ директору, получилъ 90 р., которые были присланы мнѣ отъ добрѣйшаго попечителя и опять съ условіемъ, какъ передалъ мнѣ директоръ, чтобъ я ни кому не болталъ.

Во всѣ учебныя заведенія мѣсяца черезъ три были разосланы литографированные портреты министра народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи были присланы въ училища также портреты попечителя и директора училищъ.

Портретъ бывшаго министра графа Уварова остался въ библіотечномъ шкафу, а въ золоченую рамку былъ вставленъ портретъ новаго министра, который отъ нечего дѣлать смотрѣлъ со стѣны, что подѣлываютъ уѣздные учителя въ библіотекѣ и какіе они ведутъ ученые дебаты. Скоро пріѣхалъ директоръ, спросилъ виситъ ли портретъ и долго смотрѣлъ на симпатичное лицо министра.

IV.

Носились слухи, что императоръ Николай I удостоилъ своимъ посѣщеніемъ во время второй недѣли Великаго поста какую-то гимназію и остался недоволенъ преподаваніемъ закона Божія.

Полетѣли циркуляры въ низшія училища на счетъ преподаванія закона Божія, порядкомъ налегли на всѣхъ законоучителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній,—ибо законоучители, во время оно, не въ укоръ будетъ имъ сказано, очень манкировали уроками, отговариваясь требами и различными недугами.

Прежде нежели я разскажу о вторичномъ и третьемъ, послѣд-

немъ, посѣщеніяхъ попечителемъ N уѣзднаго училища, сообщу одинъ анекдотъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ гимназію и какія чрезъ это были послѣдствія.

Попечитель и законоучитель давно умерли, но анекдотъ такъ хорошъ, что я не желалъ бы, чтобы онъ съ моею смертью канулъ въ Лету.

Мусинъ-Пушкинъ зачастилъ ѣздить на уроки закона Божія въ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Пріѣхавъ въ гимназію, онъ спросилъ директора—въ которомъ классѣ законоучитель. Директоръ сказалъ и отправился, кажется, въ IV классъ. Вдругъ отворилась дверь, и попечитель безъ свиты вошелъ въ классъ.

Моментально законоучитель и ученики встали и поклонились.— Поклонившись всѣмъ, попечитель приказалъ ученикамъ сѣсть, а законоучителю продолжать урокъ.

Попечитель сѣлъ на единственный стулъ, находившійся у учительскаго стола, а законоучитель сталъ стоя объяснять—«о надеждѣ христіанской».

Спустя нѣсколько времени, попечитель обратился къ законоучителю, выразивъ желаніе самому спросить учениковъ.

Законоучитель прерываетъ бесѣду, и попечитель, обращаясь къ крайнему ученику, сидѣвшему на первой скамейкѣ, спрашиваетъ:

— Что такое Богъ?

— Богъ есть духъ,—отвѣчаетъ испугавшійся ученикъ.

— Ну;—и продолжай далѣе!

Ученикъ молчалъ.

— Отвѣчай слѣдующій!

Слѣдующій всталъ и тоже молчалъ.

Однимъ словомъ, попечитель переспросилъ всѣхъ учениковъ,— и всѣ только молчали и блѣднѣли.

Надобно сказать, что на заднихъ скамейкахъ помѣщались иновѣрцы. Попечитель добрался и до нихъ; какъ видно было, очень разсердился и закричалъ:—«Отвѣчай, ты!»

Ученикъ всталъ, какъ-то странно перегнулся черезъ столъ, поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «нѣмецъ»...

Попечитель вскочилъ со стула, захохоталъ, какъ генералъ Бетрищевъ, и потомъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: — «вотъ тебѣ-на, Богъ-то нѣмецъ! Что ты съума сошелъ, что ли?!»

Законоучитель стоялъ блѣдный и такъ оробѣлъ, что едва могъ проговорить:

—На заднихъ скамейкахъ, ваше превосходительство, сидятъ иновѣрцы, а этотъ ученикъ лютеранскаго исповѣданія!

— Нѣтъ, ты слышалъ, какъ онъ сказалъ, — Богъ-то нѣмецъ! Какой онъ лютеранинъ, просто дуракъ, а ты, какъ я вижу, ничѣмъ не занимаешься!

И, застучавъ костылемъ, попечитель вышелъ изъ класса.

Придя въ рекреаціонное зало, онъ велѣлъ всѣмъ ученикамъ

поставить изъ закона Божія по единицѣ, а законоучитель въ скоромъ времени былъ уволенъ въ отставку.

Правда, что законоучитель по болѣзни или по другой причинѣ любилъ только разсказывать по программѣ далѣе, а спрашивалъ урокъ очень рѣдко; былъ добръ; ставилъ, по большей части, хорошія отмѣтки даже тѣмъ ученикамъ, которые были записными лѣнтяями, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, они исправятся. — Попечитель раньше въ другихъ классахъ неоднократно благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ ученаго законоучителя; но въ этотъ разъ послѣдній попался подъ горячую руку начальнику,—и всѣ прежнія благодарности были забыты, законоучитель же лишился мѣста. . .

. . . . . .

Наконецъ, попечитель налетѣлъ на наше уѣздное училище и какъ на грѣхъ, въ мое дежурство! Я былъ въ классѣ и дожидался законоучителя, который любилъ опаздывать на урокъ, очень часто манкировалъ даже, отговариваясь душевными и тѣлесными недугами. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь и шопотомъ сказалъ: «Попечитель пріѣхалъ и пошелъ въ III классъ!» — Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Я не боялся за себя, потому что усы, борода, бакенбарды были выбриты, а волосы подстрижены.

Въ училищѣ воцарилась мертвая тишина, и я слышалъ, какъ попечитель въ классѣ что-то кричалъ и кого-то назвалъ «дуракъ»!

Я застегнулъ вицмундиръ на всѣ пуговицы и сталъ спрашивать учениковъ молитвы.

Вдругъ отворилась дверь, величественно вошелъ въ классъ, опираясь на костыль, попечитель, и громко сказалъ:—«здравствуйте, дѣти!»

Моментально ученики вскочили съ мѣстъ и дружно гаркнули:—«Здравія желаемъ вашему превосходительству».

— Садитесь,—и покосился на меня.

Я замѣтилъ, что онъ былъ сильно наэлектризованъ и только ожидалъ малѣйшаго толчка, чтобы произвести взрывъ.

Ученики сѣли и боязливо стали смотрѣть на грознаго начальника.

Насчетъ выправки и привѣтствій въ училищѣ было строго.

Мы обучали учениковъ, какъ нужно съ начальствующими лицами здороваться, стоять при нихъ, отвѣчать и прощаться!

Ученики буквально исполняли наши наставленія и всегда насъ радовали, когда говорили съ начальниками.

Я стоялъ у учительскаго стола, отвѣсилъ учительской грозѣ низкій поклонъ нѣсколько на бокъ, даже шаркнулъ, какъ Чичиковъ, ногою, и услышалъ звукъ собственныхъ каблуковъ.

Я подошелъ къ нему; конечно, руки были по швамъ.

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что въ

этомъ классѣ долженъ быть законоучитель, и что я, по обязанности дежурнаго, дожидаюсь его.

— Зачѣмъ же онъ опаздываетъ на урокъ?

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, можетъ быть, внезапная церковная треба или болѣзнь задержали его!

Попечитель улыбнулся и сказалъ:

— У нихъ, братъ, все однѣ пустыя отговорки, то церковныя требы, да болѣзни, а сами лѣнятся! Добросовѣстныхъ служакъ не много, я знаю ихъ очень хорошо!—Чѣмъ же ты занимаешься?

— Спрашиваю молитвы, ваше превосходительство.

— Какія?

— «Ангелу Хранителю», «Спаси Господи», «Царю Небесный» и другія.

— А, хорошо! Онъ подошелъ къ первой скамейкѣ и, указывая на одного ученика, сказалъ:

— Ну, ты отвѣчай мнѣ молитву «Ангелу Хранителю»!

Ученикъ всталъ и началъ отвѣчать довольно тихо.

— Говори громче,—сказалъ попечитель.

Ученикъ прибавилъ голоса и когда прочиталъ молитву, то Мусинъ-Пушкинъ спросилъ его:

— А какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ?

Ученикъ молчалъ.

— Я спрашиваю тебя, какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ? Чтожъ ты, дуракъ, не знаешь? Отвѣчай.

Я замѣтилъ, что начальникъ оченъ разсердился, сдвинулъ брови и молнія блеснула въ глазахъ его.

Товарищи этого ученика перепугались и у всѣхъ у нихъ ушла душа въ пятки!

— Отвѣчай же, каналья!—И попечитель толкнулъ воспитанника...

Бѣдный мальчикъ поблѣднѣлъ и совсѣмъ растерялся.

Я стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и эта сцена поразила меня. Онъ взглянулъ на меня и сказалъ:—Поди сюда!

Я подошелъ, такъ какъ находился прежде на нѣкоторомъ разстояніи отъ грознаго начальника.

— Ты слышалъ, что этотъ дуракъ выучилъ молитву Ангелу Хранителю, а не знаетъ, какъ зовутъ ангела его!

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что ученикъ, вѣроятно, оробѣлъ и испугался!

— Чего оробѣлъ и испугался, онъ вѣдь не въ сраженіи, гдѣ летятъ пули и ядра, да и тамъ не робѣли, не боялись, а напротивъ, шли впередъ! Что я медвѣдь, что мальчишка испугался меня! Съ малолѣтства должно пріучать, любезный, чтобы дѣти не были зайцами. Да и какъ ты смѣлъ защищать эту каналью?!

— Я не осмѣлюсь и думать, ваше превосходительство, защи-

щать ученика, но знаю по опыту, что одни изъ нихъ бываютъ робки, другіе смѣлы.

Грозовая туча, налетѣвшая на меня и могшая кончиться несчастіемъ, миновала, благодаря удачному отвѣту, который понравился ему, и я былъ спасенъ.

— Ты знаешь, по моему мнѣнію, кто робокъ, тотъ заяцъ, а кто смѣлъ, тотъ храбръ! Знаешь ли ты, что я люблю тебя за то, что ты смѣлъ, не хитришь передо мною, энергиченъ и трудолюбивъ!

Я низко поклонился и много передумалъ въ то тяжелое для меня время.

— Вотъ скоро, я думаю, урокъ кончится, а твоего хваленаго законоучителя нѣтъ. Хорошъ, нечего сказать, законоучитель!—иронически сказалъ попечитель.

Я удивился и думалъ: съ чего онъ взялъ, что я защищаю добраго пастыря.

Наконецъ, раздался веселый звонокъ, этотъ столь радостный, а иногда и столь печальный вѣстникъ для учащихъ и учащихся; онъ весело пробилъ тревогу, никого не боясь, и наша школьная армія зашумѣла, забѣгала въ корридорахъ, классахъ, а въ особенности въ «мѣстахъ задумчивости», гдѣ можно всласть покурить и вдоволь подраться...

Попечитель сказалъ дѣтямъ: «идите всѣ на перемѣну!» и они вмигъ выбѣжали изъ класса; потомъ строго посмотрѣлъ на меня и громко сказалъ:

— Смотри, ты передай законоучителю, что если онъ будетъ такъ манкировать уроками и худо заниматься,—я уволю его!

— Будетъ передано законоучителю приказаніе вашего превосходительства буквально.

— Какъ же ты передашь, повтори,—сказалъ смѣясь, онъ.

Я нарочно возвысилъ голосъ и повторилъ его слова.

— Смотри, такъ и передай! А гдѣ твои усы?

— Совсѣмъ перестали рости, ваше превосходительство.

— Прощай!—застучалъ костылемъ и вышелъ изъ класса.

Я поклонился.

Послѣ ухода его, ко мнѣ прибѣжалъ въ классъ нашъ смотритель, учителя, стали спрашивать: «что и какъ?»—Я разсказалъ.

Говорить много было нельзя, потому что смотритель внимательно приготовился слушать, даже морской канатъ вынулъ изъ ушей, но мы вели казенный разговоръ, изъ котораго смотрителю невозможно было сдѣлать никакого доноса на васъ, покурили, тайно возмутились поступкомъ начальника и съ сокрушеннымъ сердцемъ разошлись по своимъ убогимъ кельямъ.

Законоучителю былъ сдѣланъ выговоръ директоромъ, который пригрозилъ ему увольненіемъ въ случаѣ манкировки занятіями,

но румяный и дебелый законоучитель не исправился, отговариваясь постоянно то церковными требами, то тяжкими недугами.

Послѣдній пріѣздъ попечителя въ наше училище былъ самымъ грознымъ, бурнымъ и роковымъ для нѣкоторыхъ служащихъ и, между прочимъ, для нашего знаменитаго смотрителя. Неоднократно начальство предостерегало насъ, чтобы мы не встрѣчались безъ нужды съ его превосходительствомъ во избѣжаніе попечительскаго шторма и девятаго вала, а я, напротивъ, любилъ встрѣчаться и говорить съ такою историческою личностью.

Однажды, во время большой перемѣны я былъ въ библіотекѣ и выдавалъ книги. Вдругъ сторожъ Андрей прибѣжалъ, какъ угорѣлый, и сказалъ:

— Попечитель пріѣхалъ!

Мы застегнули вицъ-мундиры на всѣ шесть пуговицъ, дежурный учитель ушелъ сказать, чтобы потише шумѣли ученики въ классахъ и корридорѣ, а учитель, которому я выдавалъ книги, сталъ завязывать ихъ, потомъ выждалъ, чтобы не попасться на глаза грозному начальнику и улизнулъ домой.

Я же заперъ библіотечный шкапъ и вышелъ нарочно въ корридоръ, чтобы встрѣтиться съ попечителемъ, а два учителя отправились почему-то въ классы, хотя еще до начала уроковъ оставалось минутъ пятнадцать.

Я увидѣлъ въ корридорѣ учительскую грозу, съ которой сторожъ Юрка снималъ пальто. Я подошелъ къ нему и поклонился.

— А, здорово, ты здѣсь? Подержи-ка стариковскій костыль!

Я взялъ темно-желтый костыль изъ испанскаго камыша съ перекладиной изъ чернаго дерева въ видѣ буквы С—вмѣсто набалдашника.

Нерѣдко эта невинная натуральная трость употреблялась въ видѣ исправительной мѣры, выдѣлывая вензеля на спинахъ провинившихся солдатъ на вахтпарадахъ и въ казармахъ. Снявши пальто и отдавши цилиндръ Юркѣ, попечитель взялъ отъ меня костыль, сказавъ: «спасибо, что помогъ старику раздѣться»! — Я поклонился.

— Что ты дѣлаешь въ училищѣ?

— Теперь большая перемѣна, ваше превосходительство, я былъ въ библіотекѣ и выдавалъ книги учителямъ.

— Когда же уроки начнутся?

Я посмотрѣлъ на стѣнные часы и сказалъ:

— Черезъ десять минутъ, ваше превосходительство!

Вижу, бѣжитъ смотритель по парадной лѣстницѣ, вступилъ на площадку корридора, подошелъ къ попечителю, не поклонился, а почти согнулся въ дугу и, заикаясь, дрожащимъ голосомъ прошамкалъ: «имѣю честь доложить вашему превосходительству, что

посѣщалъ ввѣренныя моему надзору училища», и раскрылъ ротъ отъ старческой немощи.

Мнѣ было мерзко смотрѣть на эту низкую и подлую тварь, которая въ теченіе своей долговременной безполезной службы такъ много сдѣлала зла умнымъ и достойнымъ педагогамъ.

— А это что у тебя?—спросилъ грозно попечитель, взявъ смотрителя за пеструю косынку.—Зачѣмъ пестрая, а не черная, старый хрѣнъ?

«Вотъ, думалъ я, и ты старая безхвостая крыса, наконецъ-то, попался въ мышеловку! Давно пора бы!»

— Не успѣлъ побриться, ваше превосходительство,—прошамкалъ смотритель, у котораго въ роту какимъ-то чудомъ сохранился одинъ только передній зубъ на верхней челюсти. Онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ и мутными глазами, изъ которыхъ самовольно сочились слезы, смотрѣлъ на попечителя, ожидая приговора.

Вся физіономія его и фигура въ синихъ доспѣхахъ походила на высохшую мумію, но онъ брился превосходно, на головѣ красовалась огромная лысина, а около висковъ и на затылкѣ росла вмѣсто волосъ какая-то желто-бѣлая пакля; изъ ушей постоянно торчалъ морской канатъ, приносившійся ему знакомымъ матросомъ. Смотритель увѣрялъ насъ, что этотъ канатъ имѣетъ чудодѣйственную силу потому, что не разъ спускался на страшную глубину близь мыса Доброй Надежды, и берегъ его, какъ святыню! Мы подсмѣивались надъ этой чудодѣйственной силой.

Носъ у смотрителя былъ въ видѣ перѣспѣлой груши съ какими-то синими, фіолетовыми красными жилками; на немъ росъ какой-то еще неизвѣстный ботаникамъ сѣдой мохъ.

Смотритель молчалъ. Тогда попечитель обратился ко мнѣ:

— Ну, отвѣчай ты за него, если на этого старикашку нашелъ столбнякъ!

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, не разслышалъ, что вы изволили сказать!

— Значитъ, онъ глухой, а хочетъ еще франтить и носить пестрыя косынки! Какой же тутъ можетъ быть примѣръ для подчиненныхъ отъ стараго дурака и модника!

Я замѣтилъ, что попечитель разсердился, повернулся отъ насъ и пошелъ по корридору, въ которомъ у стѣны были поставлены другъ на дружку нѣсколько лишнихъ классныхъ столовъ. Мы пошли за нимъ.

— Зачѣмъ столы стоятъ не на мѣстѣ?—оборотился къ намъ и строго спросилъ попечитель у смотрителя.

Смотритель молчалъ.

— Чтожъ ты молчишь,—отвѣчай!

— Мела маста, ваше превосходительство!—прошамкалъ смотритель.

— Что-о-о такое? — спросилъ сильно удивленный начальникъ.

— Маста мела, ваше превосходительство! — почти шопотомъ прошамкалъ растерявшійся и оробѣвшій смотритель.

— Что такое онъ мелетъ, помѣшался, что ли?!. Отвѣчай ты, что онъ вздумалъ со мною разыгрывать комедію,—такъ завтра же я уволю его въ отставку!

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что штатный смотритель хотѣлъ доложить самъ, что за неимѣніемъ мѣста столы поставлены въ корридоръ.

— Теперь я понялъ, а ты слышалъ какую онъ дичь поролъ?— И попечитель громко сталъ смѣятся.

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ перепугался, что сказалъ абсурдъ.

— Я понимаю, что ты заступаешься за своего начальника, и это дѣлаетъ тебѣ честь; но я, братецъ мой, не волкъ, что смотритель испугался меня, да и лишніе столы должны стоять въ сараѣ, а не въ корридорѣ, гдѣ мальчишки могутъ въ шалостяхъ уронить ихъ на себя, тогда этотъ старый дуракъ и ты пошли бы подъ судъ! Я не сталъ бы шутить съ вами! Резонно ли я говорю,—отвѣчай! и, улыбнувшись, посмотрѣлъ на меня.

Я подумалъ: слава Богу, гроза миновалась, а то принимай въ чужомъ пиру похмѣлье,—но ошибся.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что я не помощникъ штатнаго смотрителя и по закону за распоряженія его не отвѣчаю.

— Постой, постой, — не горячись, молодъ еще, — ласково сказалъ мнѣ попечитель: слушай и запомни хорошенько: если онъ по своей старости, что дѣлаетъ не такъ, то ты долженъ остановить его, доложить директору, — а кто этого не исполняетъ, тотъ предается суду,—тутъ твой законъ не при чемъ. Вотъ тебѣ мое приказаніе! Слышалъ?!

— Слышалъ, ваше превосходительство.

Попечитель опять вышелъ на площадку корридора и увидѣлъ учителя, у котораго вслѣдствіе зубной боли щека была подвязана не первой молодости бѣлымъ платкомъ.

Учитель какъ-то странно взглянулъ на проницательнаго начальника, поклонился ему и остановился близь дверей класса.

— Ты куда идешь?—спросилъ попечитель и наклонилъ голову къ лицу его.

— На урокъ, ваше превосходительство!

— Да отъ тебя водкой пахнетъ?!.

— У меня, ваше превосходительство, зубы болятъ и я не пилъ, а только полоскалъ ротъ, чтобы унялась зубная боль.

— Ты еще смѣлъ передо мной оправдываться! Развѣ я не слышу, что отъ тебя разитъ водкою, а еще вздумалъ меня обманывать!

Хорошъ, учитель, — пьяница! — закричалъ на него разгнѣванный попечитель.

Бѣдный и несчастный учитель сталъ блѣденъ и предчувствовалъ, что будетъ уволенъ.

Рядомъ со мною стоялъ смотритель, который бормоталъ что-то, вѣроятно, читалъ молитву, и трясся! Картина.

— Вотъ, дуракъ, вздумалъ еще выпивши давать уроки! Какой можетъ быть примѣръ для мальчишекъ! Давно онъ служитъ?—спросилъ попечитель у смотрителя.

Но на того нашелъ столбнякъ, онъ только дрожалъ, нижняя челюсть прыгала, поминутно открывалъ ротъ, мигалъ, смотрѣлъ апатично на всѣхъ, — и, кажется, никого не видѣлъ.

— Чтожъ онъ молчитъ? Ну, ты, заступникъ и покровитель, отвѣчай за нихъ! Постой, я и съ тобою раздѣлаюсь!— грозно сказалъ мнѣ попечитель.

«Мать Пресвятая Богородица, заступись за меня, вѣдь Ты видишь, что я безвинно страдаю»,—подумалъ я,—даже ругнулъ себя, зачѣмъ я добровольно подвергъ свою персону опасной исторіи,—и мнѣ тоже, значитъ, вылетѣть фуксомъ.... Значитъ, былъ молодъ и неопытенъ, и по своей глупости захотѣлъ поиграть съ огнемъ...

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что напрасно вы изволите гнѣваться на меня! Я не нахожу никакой вины за собою въ погрѣшностяхъ смотрителя и учителя!...

— Какъ не виноватъ?! Я приказываю говорить тебѣ: отчего смотритель молчитъ и трясется? Посмотри, что сталось съ ними, да и учитель совсѣмъ раскисъ, стоя у стѣны, а ты молчишь? Говори!..

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ растерялся, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ, что же касается до учителя, который содержитъ престарѣлыхъ родителей и убогую сестру, на службѣ же онъ третій годъ, то простите его, ваше превосходительство,—и у меня на глазахъ навернулись слезы.

— Я вижу, что ты имѣешь доброе сердце, но просишь невозможнаго!

Попечитель велѣлъ сторожу подать пальто, кивнулъ мнѣ головою и ушелъ. Я поклонился. Послѣ ухода его смотритель такъ разревѣлся, что я едва могъ уговорить его идти домой и успокоиться.

— Простите меня,—говорилъ мнѣ, плача, смотритель, — что я обижалъ васъ, но вы хотѣли оправдать меня передъ попечителемъ. Никогда я не забуду вашего великодушія, за которое чуть и вы не пострадали!..

Учитель, придя домой, съ горя напился пьянъ, говоря мнѣ: «Эхъ, милый! попался я этому десятиглазому, какъ куръ во щи!»

Впослѣдствіи онъ пересталъ пить и занималъ хорошую должность.

На другой день пріѣхалъ директоръ, которому я разсказалъ эту плачевную исторію; долго онъ распекалъ несчастнаго учителя (мать котораго когда-то жила въ услуженіи у директора, досталось порядкомъ и смотрителю, а мнѣ было сказано: «спасибо вамъ, что вы подвернулись еще и могли нѣсколько поуспокоить разгнѣваннаго начальника»).

— Никогда я, Семенъ Семеновичъ, не прощу себѣ этого «подвернулись»; и угораздила же меня не легкая выскочить изъ библіотеки, быть свидѣтелемъ небывалой исторіи изъ педагогическаго міра и едва не лишиться мѣста!..

Директоръ мило улыбнулся, простился только со мною, а на «подсудимыхъ» даже не посмотрѣлъ и уѣхалъ на дачу мечтать, среди древесъ и злаковъ сельскихъ, о суетѣ міра сего, а можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь пикантномъ, или какое сегодня кухурка приготовитъ меню по указанію сдобной и крупичатой супруги его высокородія...

Носились слухи, что директоръ ходатайствовалъ у попечителя, въ виду молодости учителя и чистосердечнаго раскаянія, ограничиться только выговоромъ и не увольнять бѣдняка въ отставку. Но попечитель былъ неумолимъ.

Чрезъ нѣсколько времени учителю было предложено подать въ отставку, а ветхаго смотрителя N, за выслугу лѣтъ, уволили съ мундиромъ, полною пенсіею и съ пряжкою за XXX-тилѣтнюю безпорочную службу на поприщѣ народнаго образованія.

Давно умеръ князь Ширинскій-Шихматовъ, давно покоится его прахъ въ Сергіевской пустыни, что на 18 верстѣ по Петергофской желѣзной дорогѣ. Вся жизнь его была посвящена на пользу трудящихся и обремененныхъ, которымъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ. Лѣтомъ я бывалъ въ Пустынѣ, приходилъ къ могилѣ, чтобъ помолиться объ успокоеніи души его.

Заходилъ также на кладбище Александро-Невской Лавры, гдѣ похороненъ бывшій попечитель Мусинъ-Пушкинъ, чтобы помолиться на могилѣ его.

Мнѣ вспоминалось старое время, когда весь округъ трепеталъ предъ грознымъ попечителемъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ не грозенъ, а только очень вспыльчивъ, упрямъ, и не любилъ, чтобъ ему возражали, но имѣлъ предобрѣйшее сердце и отдавалъ послѣдній грошъ многострадальнымъ и достойнымъ бѣднякамъ съ условіемъ—«никому не болтать».

Конечно, было много недовольныхъ и ненавидящихъ его за дерзости и солдатское обращеніе. Пожалуй, они были и правы, но односторонне правы. Я никогда не слышалъ, чтобы попечитель называлъ кого-нибудь изъ учителей по фамиліи; онъ считалъ это

лишнимъ, довольствуясь обращеніями въ родѣ: а, ты, что, молчать, дуракъ, вонъ и др. ласкательными словами изъ собственнаго лексикона. Онъ любилъ, чтобы кадили ему, чтобы встрѣчали его со страхомъ и трепетомъ. Онъ, повидимому, не хотѣлъ и думать, что, выражаясь вульгарно, роняетъ авторитетъ учителя въ мнѣніи учениковъ, что и самъ теряетъ уваженіе, какъ попечитель, долженствующій служить примѣромъ для учащихъ и для учащихся. Бывшій военный начальникъ, распекавшій въ казармахъ и на ученьѣ офицеровъ и солдатъ, попечитель не хотѣлъ стѣсняться и во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, ибо никто и не могъ ему возразить, что школа — не казарма и не военное поселеніе. Всѣмъ извѣстно, какъ гуманный Аракчеевъ обращался съ учителями въ военныхъ поселеніяхъ. Попечитель былъ современникомъ его, видѣлъ достохвальныя дѣянія самодура Аракчеева и слышалъ про нихъ. Всѣмъ также извѣстно, что въ николаевское время всякій начальникъ своихъ подчиненныхъ считалъ и называлъ: «мальчишками, дураками, дрянью, милюзгой, дермомъ, ветошью, старымъ хрѣномъ» и пр., которыхъ за лишнія выраженія ссылали изучать полярную географію или отдавали подъ надзоръ полиціи для изученія флоры и фауны въ Сѣверномъ краѣ. Попечитель былъ сыномъ николаевскаго времени и современникомъ Аракчеева. Въ немъ, такимъ образомъ, соединялись черты того и другого.

Попечитель былъ на виду у императора Николая I и повышенія по службѣ бралъ гражданскою доблестію, а не такъ какъ другіе, сгибая предъ начальствомъ спину, доползали ужомъ до обѣтованнаго мѣста. Онъ былъ заслуженный ветеранъ, одинъ изъ героевъ двѣнадцатаго года, поработалъ на военномъ и гражданскихъ поприщахъ, по привычкѣ, дѣйствительно, любилъ тыкать, обращаясь подчасъ не такъ какъ слѣдовало бы ученому мужу. Онъ обращался такъ же, какъ съ нимъ обращались во время его боевой и гражданской службы. Вся сила въ обращеніи съ нимъ, повторяю, заключалась въ томъ, что когда онъ дѣлалъ замѣчанія или выговоры—молчать, не возражать, стоять почтительно и титуловать его, иначе попечитель выходилъ изъ себя и подчиненный погибалъ.

Въ нынѣшнее время начальство образованное, гуманное, деликатное, замѣчательно вѣжливое, даже съ прислугою разговариваетъ на вы, но только и подчиненнымъ надобно быть въ высшей степени дипломатами и смотрѣть на эту фата-моргану въ оба. Мнѣ разсказывали, что недавно гуманный начальникъ не хотѣлъ разговаривать съ увольняемымъ, встрѣтилъ его нарочно въ передней, загородилъ ему дорогу, отговариваясь и извиняясь тѣмъ, что ему некогда принять его въ кабинетѣ, что онъ сейчасъ уѣзжаетъ по дѣламъ службы.

Отъ начальника вѣяло дорогимй духами, и онъ сладко говорилъ:

«очень жаль, что я не могу ничего сдѣлать для васъ» и при этомъ крѣпко жалъ руку.

. . . . . .

Долго я сидѣлъ на скамейкѣ близь могилы попечителя, и одно воспоминаніе смѣнялось другимъ; наконецъ, я вставалъ, опять молился объ успокоеніи души раба Божія Михаила и просилъ Всевышняго Творца, чтобы Онъ простилъ ему всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя и упокоилъ въ селеніи праведныхъ.

Я былъ на похоронахъ министра и на похоронахъ попечителя и видѣлъ многихъ, которыхъ печаль и невозвратная потеря были непритворны. На тѣхъ и другихъ похоронахъ можно было слышать: «лишились мы своихъ благодѣтелей и покровителей», говорили, плача, безъутѣшные труженики и убогія старушки; «много они помогали намъ тайно, но Господь воздастъ имъ явно!»

Я былъ изъ числа этихъ несчастныхъ горемыкъ, я плакалъ и зналъ, что терялъ въ нихъ очень близкое сердцу, которое никогда не повторится. Предчувствіе не обмануло меня: я сталъ вянуть и засыхать отъ вѣчныхъ недостатковъ и горькой моей доли. Теперь я доживаю въ богадѣльнѣ остатокъ дней моихъ, дожидаясь смерти,— этой вѣчной успокоительницы и избавительницы отъ всѣхъ золъ и страданій, отъ «роковыхъ когтей» которой, по словамъ Державина, «ни кая тварь не убѣгаетъ: монархъ и узникъ—снѣдь червей.»